



КЛЯТВА

ВОРОВ

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES
МЭРИ Э. ПИРСОН

Мэри Э. Пирсон
Клятва воров
Серия «Мир «Хроник Выживших»»
Серия «Танец воров», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69015358

*Клятва воров:
ISBN 978-5-17-146595-7*

Аннотация

Кази и Джейс выжили. Теперь они стали сильнее и влюблены как никогда прежде. Мир вокруг меняется: Белленджеры больше не изгои, Дозор Тора вскоре станет отдельным королевством. Кази и Джейс готовы встретить грядущие испытания вместе.

Однако вслед за зловещим предупреждением тянется нить, сплетенная их злейшими врагами и неожиданными союзниками. Предателем может оказаться любой, а малейшая ошибка может уничтожить все, что было им так дорого...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Глава пятая	42
Глава шестая	47
Глава седьмая	57
Глава восьмая	59
Глава девятая	66
Глава десятая	80
Глава одиннадцатая	89
Глава двенадцатая	100
Глава тринадцатая	108
Глава четырнадцатая	109
Глава пятнадцатая	112
Глава шестнадцатая	119
Глава семнадцатая	136
Глава восемнадцатая	143
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Мэри Пирсон

Клятва воров

Mary E. Pearson

VOW OF THIEVES

Copyright © 2019 by Mary E. Pearson

Book designed © Rebecca Syracuse

© Воробьева К., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Деннису и клятвам, которые ты дал и сдержал

Младшие задают мне вопросы.

Они хотят знать о том, что было раньше.

Я самый старший. Я должен знать.

Ты летал, Грейсон? В небе, подобно птичке?

Да. С моим дедушкой.

Как?

Я не уверен. Помню только, что смотрел вниз, наблюдая, как исчезает земля, как плачет дедушка, держа меня на руках.

С тех пор я больше никогда не видел его слез.

После первой звезды упало еще шесть.

После не было времени ни на слезы, ни на объяснения того, что такое полет.

Мы могли только бежать.

Тай и Уэлла забрались ко мне на колени.

Ты научишь нас летать?

Нет, я научу вас кое-чему другому.

Тому, что поможет вам выжить.

– *Грейсон Белленджер, 15 лет*

Глава первая

Казимира из Брайтмиста

Сквозь камень пробивался пыльный луч света, и я наклонилась, надеясь украсть немного тепла. Я была воровкой. У меня должно легко получиться, но тепло ускользало от меня. Как долго я здесь пробыла? Пять дней? Месяц? Одиннадцать лет? Я позвала маму, а потом вспомнила. *Это было целую жизнь назад. Ее больше нет.*

Тонкий луч появлялся после долгих периодов темноты, может быть, раз в день? Я не знала. Он не задерживался надолго, бросая на меня взгляд, словно любопытный зритель. *Что это у нас тут?* Он упал на мой живот, на рубашку, испачканную засохшей кровью. *Паришво выглядит. Разве тебе не следует что-нибудь сделать?* Неужели мне слышался смех, когда луч угас? Или это квотерлорд издевался надо мной?

Я еще не была мертва, поэтому знала, что нож, вонзившийся в мой живот, по крайней мере не задел ничего жизненно важного. Но рана гноилась, а мои глаза воспалились — в них попала грязь, которая была здесь повсюду.

Сны и реальность смешались.

В темном углу шуршали крысы. Синове о них не упоминала.

Я вспомнила, как она рассказывала мне о своем сне. *«Я видела тебя закованной в цепи в тюремной камере... Ты была вся в крови»*. Я помнила ее обеспокоенный взгляд. Помнила, как не обратила внимания на ее опасения. *«Иногда сны — это только сны»*.

А иногда сны становятся чем-то гораздо большим.
Где Джейс?

Я услышала грохот и подняла голову. Ко мне пришла посетительница. Она стояла в углу, изучая меня.

— Ты, — сказала я, собственный голос показался мне чужим, слабым и надрывным. — Пришла за мной. Я ждала тебя.

Она покачала головой. *Еще нет. Не сегодня. Прости.*

И она исчезла.

Я легла на пол, цепи звякнули о булыжник. Я свернулась в клубок, пытаюсь унять боль в животе.

Прости.

Извинения от Смерти?

Вдруг я поняла. Худшее ждало меня впереди.

Глава вторая

Кази

Двумя неделями ранее

Джейс вошел в комнату полностью обнаженный, и я подумала об очищенном от кожуры апельсине.

Я наблюдала, как Джейс пересекает комнату и поднимает с пола брюки. Он начал натягивать их, но заметил, что я смотрю, и замер.

– Могу остаться так, если тебе хочется воспользоваться моим уязвимым положением.

Я выразительно приподняла бровь.

– Думаю, мне достаточно. Одевайся, *патри*. Сегодня нам предстоит пройти много миль.

Он нахмурился.

– Как прикажешь.

Я знала, что он тоже готов отправиться в путь. Мы продвигались быстро, но со дня нашего отбытия в Марабеллу прошло более двух месяцев. Джейс натянул рубашку, от его кожи все еще поднимался пар. Крылатая татуировка на груди блестела в мягком тумане. Здесь в нашем распоряжении оказался горячий источник. Прошлой ночью и сегодня утром мы отмокали в нем, смывая грязь долгого путешествия. Это было расточительство, от которого ни один из нас не смог

отказаться.

Я подошла к окну, пока Джейс продолжал одеваться. Большая часть поместья лежала в руинах, но в них угадывалось былое величие этого места. Кое-где поблескивали мраморные полы в изящных голубых прожилках. Возвышающиеся колонны, потолок с остатками росписи: клочья облаков, глаз лошади, прекрасно выполненная рука. Был ли это дом предводителя Древних? Самого Аарона Белленджера? Богатство шептало, как умирающий лебедь.

Нас окружали обломки зданий, которые, казалось, тянулись на многие мили. Эти дома не устояли перед падающими звездами и временем, и теперь лес скрывал их, оплетая нежным изумрудным узором. Даже усадьбу, расположенную высоко на скалистом выступе, покрывали листья деревьев и лианы. Но когда-то давным-давно она была прекрасной и величественной. Тот, кто прежде бродил по этим залам, вероятно, думал, что все всегда будет так идеально.

Прежде чем мы покинули Марабеллу, помощник короля, Свен, нарисовал нам на карте северный путь, который огибал Дьявольскую землю. Карта показывала, где находятся убежища и даже несколько горячих источников. Этот маршрут был немного длиннее, но, по словам Свена, меньше зависел от погоды. А ее стоило учитывать, ведь мы вступали в сезон бурь. За три недели мы быстро преодолели значительное расстояние, и если бы продолжали в том же темпе, до Дозора Тора дошли за несколько дней. По мере того как

мы приближались к дому, я слышала, как в голосе Джейса нарастало волнение. Он не переставал говорить о переменах, которые нас ожидали.

У нас был план. Кое-что предстояло сделать Джейсу. Кое-что мне. А что-то нам вместе. Хотя меня и одолевали опасения по поводу нашего возвращения, я тоже была в восторге. Наконец-то могла признать, что люблю Хеллсмаус. Он гудел в моей крови, как в первый день, когда я въехала туда верхом. Только на этот раз я не буду незванным гостем, ищущим проблем. Я принесу проблемы с собой и стану частью происходящего, помогая Дозору Тора сделаться чем-то большим.

Об этом мы с Джейсом говорили всю первую неделю пути – об установлении границ нового крошечного королевства и пересмотре правил торговли. Какие бы надежды ни питал кто-то по захвату биржи и Хеллсмауса, теперь они были уничтожены, учитывая, что суверенитет Дозора Тора официально признан Союзом. Дозор должен стать тринадцатым королевством. Или первым. Я улыбнулась, вспоминая, с какой дерзостью Джейс принял щедрость королевы – настоять, чтобы его королевство назвали первым.

Моя роль посла была не просто почетной. Я все еще оставалась рахтаном и, что самое важное, находилась в подчинении у королевы. Выполняя свои обязанности, я отвечала за плавный переход власти. Королева также считала, что представитель крупного королевства будет иметь влияние на происходящее и поможет сохранить стабильность в случае со-

противления.

Она дала мне дополнительное задание – самое главное. Я рассказала ей о последних словах молодого ученого. Словах, в которых чувствовалась вина: *«Простите. Уничтожьтесь их»*. Хотя мы считали, что все документы сожжены, но даже крупница сомнения создавала большое беспокойство.

«Казимира, защити эти бумаги и, если не сможешь безопасно переслать их мне, уничтожься. Мы понятия не имеем, с какой информацией ученые сбежали после падения Комизара и что они успели разработать с тех пор. Мы не хотим, чтобы эти бумаги попали в чужие руки, если есть хоть малейший шанс повторения резни или чего-то хуже».

Хуже?

Хуже Великой битвы была только одна вещь. Опустошение.

Лишь немногие выжили после этого, и мир до сих пор носил шрамы. Я обещала королеве, что именно этим вопросом займусь в первую очередь.

Она также попросила меня прислать пару книг по истории, если они найдутся. *«Я бы хотела побольше узнать об этой земле. Грейсон Белленджер был храбрым лидером. Он был очень молод, но полон решимости защитить своих подопечных от падалыщиков. Не всегда нужна армия, чтобы спасти мир. Иногда нужен лишь один человек, который не позволит злу победить. Именно такие герои, как Грейсон и те двадцать два ребенка, вдохновляют меня».*

Но и сама королева вдохновляла людей. Похоже, даже не понимая, что ей восхищалась большая часть континента. Она вдохновила и меня. Заставила взглянуть на себя по-другому. Она увидела во мне человека, которого стоит спасти, несмотря на его прошлое. Она вдохновила меня стать кем-то большим, а не делать то, что от меня ожидали другие. Я осмелилась верить, что могу что-то изменить, потому что королева поверила в это первой. Даже когда по моей вине вся наша команда оказалась в тюрьме, королева не разочаровалась во мне.

И теперь я с гордостью понимала, что она рассчитывает на меня.

Я представляла, что Ганнер уже нашел таинственные бумаги и пытается расшифровать их содержимое. Но независимо от того, что в них, Ганнер должен будет передать их мне – как бы громко он ни протестовал при этом. Дозор Тора лишится признания Союза, если Белленджеры не подчинятся. В любом случае у меня имелись методы, чтобы заставить его отдать их. Ничто не помешает мне выполнить обещание, данное королеве, не помешает Дозору Тора стать признанным королевством. Это была мечта не только Джейса, но и моя. И вполне возможно, что сейчас бумаги были отложены в сторону, пока Ганнер занимался другими делами, например подготовкой к возвращению Джейса.

Джейс отправил Ганнеру послание, в котором сообщил, что направляется домой и у него есть хорошие новости.

Больше он ничего не стал писать. Как бы Джейс ни был воодушевлен перспективой, что Дозор Тора наконец-то станет признанным королевством, он хотел объяснить все лично и избежать ситуации, когда Ганнер поспешно объявит всем то, что Джейс – и королева – не спешили разделить с публикой. Он также не упомянул, что я прибуду с ним. Это потребовало бы еще больше объяснений, которые сложно вместить в короткую записку. Но, по крайней мере, сейчас семья Джейса знала, что он здоров и возвращается домой.

Сообщение, отправленное с вальспреем, попадет к Белленджерам тем же путем через черный рынок, что и все остальные сообщения, – сначала оно окажется у дрессировщика вальспреев в бюро отправлений в Парсусе, где у Белленджеров есть тайный сотрудник. Королева с удивлением приподняла брови, узнав об этом, и Джейс пообещал, что это маленькое недоразумение будет исправлено. Конечно, после получения статуса нового королевства, а вместе с ним и собственных обученных вальспреев, больше не было необходимости добывать птиц незаконным путем. Король сказал, что уже через несколько месяцев к нам пришлют дрессировщика с вальспреем.

Я услышала позади шаркающие шаги по мраморному полу, а затем почувствовала тепло Джейса. От него все еще исходил жар источника. Приблизившись, Джейс положил руки мне на плечи.

– На что ты смотришь? – спросил он.

– На совершенную красоту. На потерянные вещи. На нас.

– Нас?

– Последние недели были...

Я не знала, как закончить мысль, но чувствовала: в этих днях, проведенных вместе, было что-то, что не хотела потерять, что-то первозданное и почти священное. Были только мы. Но я боялась, что все изменится.

– Понимаю, Кази. Как никто другой. – Он отвел в сторону мои волосы и поцеловал в шею. – Но это не конец. Это только начало. Я обещаю. После всего, через что мы прошли, ничто не сможет нас разлучить. Боюсь, теперь ты связана со мной.

Я закрыла глаза, ощущая его прикосновения, его запах и каждое его слово. *«Я обещаю»*.

Между нами все изменилось настолько, что я даже не представляла, будто подобное возможно. Только теперь я осознала, что такое непереносимая тяжесть секретов. Невозможно понять их бремя, пока оно не будет сброшено.

В последние недели мы испытывали почти головокружительную легкость правды.

Мы свободно рассказывали обо всем, больше не задумываясь о словах. Хотя мне казалось, что много знаю о Джейсе, я узнала гораздо больше – детали, которые формировали его личность, от обыденных до самых сложных. Я узнала больше о его ранимости, о переживаниях, когда умирал его отец, и о новых обязанностях, которые свалились на него. Он думал, что пройдут годы, прежде чем ему придется взвалить

на себя тяжесть положения *патри*, но в девятнадцать лет вся ответственность вдруг легла на его плечи.

Он открыл мне секрет, которым никогда ни с кем не делился, – о своей сестре Сильви и ее последних просьбах, о чувстве вины, что не желал верить, будто сама Сильви уже знала – она умирает. Даже спустя четыре года произошедшее все еще оставалось для него незаживающей раной, и его голос дрожал, когда он рассказывал о сестре. Его рассказ помог мне лучше увидеть себя – невозможный выбор, который приходится делать в краткий момент. А после – сожаление, которое хороним глубоко внутри. Поступки, которые не совершили бы, если у нас был бы еще один шанс, если мы могли бы отмотать время назад, как моток пряжи, и сплести его во что-то другое. *«Беги, Каз, беги за палкой. Ударь его в пах, ударь в нос, ударь по горлу»*. Почему я не сделала этого? Один выбор мог бы все изменить. Но голос моей матери приказывал: *«Не двигайся. Молчи»*.

Для Джейса все было наоборот – он не прислушался. Воспоминание, как он в последний раз посмотрел в слезящиеся глаза Сильви, прежде чем она закрыла их навсегда, до сих пор преследует его. Он долго не решался поделиться, возможно, самым темным своим секретом: он украл ее тело из гробницы и похоронил у Слез Бреды в горах Моро. В Хеллсмаус, да и во всей Эйсландии, осквернение гробницы считалось святотатством, и это преступление каралось смертью. Даже его семья не знала, что он натворил. Я попыталась

представить, какие муки он испытывал, когда ехал один по темной горной тропе с завернутым в ткани телом Сильви, перекинутым через седло.

Но некоторым было трудно поделиться – правда обнажалась слой за слоем, некоторые вещи были зарыты так глубоко, что стали для нас лишь смутной болью, которую мы научились игнорировать. Мы помогали друг другу раскрыть и это. *«Как ты выжила, Казы? В одиночку?»* Он имел в виду не только то, что я ела и во что одевалась. Я уже рассказывала ему об этом. Он спрашивал об абсолютном одиночестве, когда не к кому обратиться. Для него это было невыносимо. Я же не могла ответить, потому что и сама не понимала. Иногда мне казалось, будто все, что от меня осталось, – это голодная тень, которая может исчезнуть, и никто не заметит. Возможно, именно вера в это и помогла мне выжить.

Хотя наша честность друг перед другом казалась пьянящим эликсиром, которым я не могла напиться, но с приближением к Дозору Тора сильнее чувствовала, как новые секреты закрадываются между нами. У меня были опасения по поводу семьи Джейса, которыми я не хотела делиться, потому что знала, что он не придаст им значения. В конце концов, он был главой семьи, *патри*. Его бы послушали. Но разве ненависть можно погасить одним приказом? Ненависть членов его семьи ко мне была всецелой, исходящей из глубины души.

«Я выколю тебе глаза и скормлю их собакам...»

Это была «семья», в которую я возвращалась. Меня беспокоили не только угрозы Праи, но и пропасть, которая возникла на месте разрушенного доверия и которую, как мне казалось, невозможно было преодолеть, даже ради Джейса. Я помнила потрясенное выражение лица Вайрлин, когда я забирала ее сына, угрожая ножом. Я всегда буду той девушкой, которая вторглась в их дом, девушкой, которая лгала и крада у них.

Даже милые Лидия и Нэш, вероятно, теперь знали обо всем. Было бы невозможно скрыть от них подробности исчезновения Джейса. Кроме того, оставался еще Ганнер и его жестокие насмешки, когда он узнал, что Зейн сделал с моей семьей. Не имело значения, что он брат Джейса. Моя ненависть к нему не ослабла за последние недели. Я не могла, как и они, притворяться, что та ночь была забыта.

– Знаю, как много для тебя значит семья, Джейс. Я не хочу, чтобы ты оказался в ситуации, когда тебе пришлось бы выбирать сторону.

– Кази, теперь ты моя семья. Выбора нет. Ты связана со мной навсегда. Понимаешь? И они тоже. Так уж устроены семьи. Поверь мне, они придут в себя. Они любили тебя раньше. И полюбят снова. Что еще важнее, они будут благодарны тебе. Белленджеры утратили бдительность. Не сомневаюсь, мы все были бы мертвы, если бы ты не вмешалась.

Он уверял меня в этом и раньше, рассказывая об ужасных расправах над Белленджерами в прошлом. Я с легкостью

могла это представить. Джейс был бы первым. Убить самого сильного, а затем перейти к остальным. Как бы это произошло? Неожиданный удар ножом в спину, когда Джейс зашел проверить, как идет работа у Бофорта? Неизбежно. И я это понимала. Бофорт рассчитывал, что его план осуществится всего через неделю, пока я не вмешалась. Были заказаны новые материалы. Производство должно было развернуться в полную силу. Искали новых кузнецов, которые помогли бы Сарве изготовить еще две дюжины пусковых установок. Но семья Джейса верила только в то, что видела, а не в то, что могло бы случиться. И они стали свидетелями моего предательства, а не предательства Бофорта. Его план захвата власти над королевствами – в сравнении с грандиозными обещаниями, которые он им давал, это звучало как ложное обвинение. Я знала, что Джейс поддержит меня, и да, возможно, этого будет достаточно, но не была уверена. Я не понимала всех отношений и проблем семейной жизни и беспокоилась, что, вероятно, мне уже слишком поздно учиться.

– У меня никогда не было семьи, Джейс. Я могу не справиться...

– У тебя есть Рен и Синове. Они как твоя семья.

При упоминании о них я ощутила печаль. Уже скучала по ним, гораздо больше, чем думала. Мы привыкли разлучаться лишь на короткое время, когда отправлялись на задания, но наши двухъярусные кровати в общей комнате всегда ждали нашего возвращения. На этот раз я не собиралась возвра-

щаться. В последние недели часто думала, где они и как у них дела. Рен и Синове были для меня самыми близкими людьми. Они готовы отдать свои жизни за меня, а я за них. Мы стали настоящими сестрами, хотя никогда не произносили этого слова. Семья – это риск, который может стоить тебе жизни, и мы сами выбрали опасную жизнь. Жажда справедливости горела в нас, как метка, впечатанная в кожу в тот день, когда у нас отняли семьи. Невысказанные слова между нами создавали защитный барьер. Семья Джейса была сплоченной, все они походили друг на друга и всегда держались вместе. Я сомневалась, что смогу стать частью такой семьи.

– И у тебя была мама, – добавил он. – Она была твоей семьей, несмотря на то, как мало времени вы провели вместе.

Мы уже говорили о моей матери. Даже самые старые, самые болезненные секреты не остались скрытыми. Когда я рассказала ему, у его глаз появились глубокие морщины, и я подумала, не было ли ему так же больно, как и мне. Джейс жалел, что его семья однажды дала людям из Превизи убежище, приняла их на работу.

– Все получится, – пообещал он и поцеловал мочку моего уха. – Это не произойдет в одночасье. Но у нас есть время. Мы постепенно привыкнем ко всем изменениям.

Значит, он понимал, что впереди нас ждут трудности.

– Готова ехать? – спросил он.

Я повернулась к нему, внимательно осмотрев с ног до головы, и вздохнула.

– Наконец-то ты оделся. Как только я освоюсь с ролью магистрата, мне придется разобраться с тобой, *патри*.

– Значит, сегодня ты магистрат? Вчера ты была послом Брайтмист.

– Королева предоставила мне право выбора, в зависимости от того, как ты будешь себя вести.

– Планируешь меня арестовать? – спросил он почти с надеждой.

Я строго посмотрела на него.

– Если не будешь подчиняться.

– Если бы ты не была такой нетерпеливой, сейчас бы не возилась со мной.

Я рассмеялась.

– Это я нетерпеливая? Кажется, это ты развязал бечевку на свертке Синове.

Джейс пожал плечами, его глаза округлились.

– Бечевка развязалась сама по себе. Кроме того, я не знал, что внутри и к чему может привести простая красная ленточка.

Мы не успели провести и дня в пути, как он захотел открыть прощальный подарок Синове.

– Никогда не доверяй рахтану, приносящему дары, – предупредила я. – То, что тебе неизвестно, может привести к неприятностям, *патри*.

– Но именно с неприятностями мы лучше всего справляемся вместе. – Он заключил меня в объятия, в его глазах

плясали огоньки, но затем его игривое настроение омрачилось. – Сожалеешь?

Я чувствовала, что все глубже погружаюсь в мир, которым был Джейс Белленджер.

– Ни за что. Даже через тысячу дней не буду. Я счастлива преодолевать трудности вместе с тобой. И люблю тебя с каждым вздохом. Люблю тебя, Джейс.

– Больше, чем апельсины? – спросил он между поцелуями.

– Не обольщайся, *патри*.

Слова, о которых раньше боялась даже думать, теперь давались на удивление легко. Я произносила их часто и разными способами. Каждый раз, когда наши губы встречались, каждый раз, когда мои пальцы перебирали его волосы. «*Я люблю тебя*». Возможно, отчасти это был страх, страх перед ревнивыми богами и упущенными возможностями. Теперь я как никогда знала, что шансы могут быть потеряны в одно мгновение, включая шанс сказать последние слова, и, если между мной и Джейсом должны прозвучать последние слова, я хотела бы, чтобы это были слова о любви.

Последние слова матери, обращенные ко мне, были полны отчаянного страха. «*Т-с-с, Кази, держи рот на замке*». Когда вспоминала о ней, в моей груди ощущалось эхо ее ужаса.

Мы спустились к Мийе и Тайгону в конюшню, которая, возможно, когда-то была длинной открытой столовой. Пол был усыпан клевером, который лошади успели хорошенько

пощипать. Мы направлялись на продуваемые ветрами равнины, где им будет труднее найти еду, поэтому я была рада, что они наелись досыта.

Мы вскочили в седла и продолжили путь.

Пока мы ехали, я будто заново переживала волшебство каждого дня, чтобы не позволить этому времени кануть в небытие. Отслеживала, откуда мы приехали и куда едем, чтобы неожиданный поворот не завел нас на неизвестный путь. И запоминала каждое слово, сказанное между нами, чтобы наши разговоры никогда не забылись.

– А как насчет нас, Джейс? Кто-нибудь напишет нашу историю?

– О чем ты?

– Как те сотни историй на стенах хранилища и те, что в твоих книжных шкафах.

Его губы растянулись в самодовольной улыбке, как будто эта мысль не приходила ему в голову, и он был удивлен моим вопросом.

– Так и будет, Кази. Ты и я. Мы сами напишем нашу историю. И она займет тысячу томов. Ведь у нас впереди целая жизнь.

– Тогда понадобится много деревьев.

Он пожал плечами.

– У нас во владениях их достаточно, помнишь?

У нас. Теперь были «мы».

Мы носили наши мечты, как доспехи. Нас ничто не могло

ОСТАНОВИТЬ.

Глава третья

Джейс

– Пуговица?

Я рассмеялся, слушая рассказ Кази о том, как раскричался толстый квотерлорд, будто ему отрезали нос.

– Зачем так рисковать, чтобы украсть бесполезную пуговицу? – спросил я.

Ее улыбка померкла, взгляд стал спокойным, пальцы двигались по ладони, словно она все еще держала в руках драгоценную пуговицу.

– Она не была бесполезной, – ответила она. – Иногда нужно напоминать себе, что ты не бессилен. Что можешь хоть что-то контролировать. Мне важно было почувствовать, что с помощью своих навыков я способна не только набить себе живот, но и заставить других задуматься о собственном. Если посреди дня вор может стащить пуговицу прямо с одежды, то насколько больше отнимет темной ночью? – Она прикусила уголок губы, ее глаза недобро прищурились. – Уверена, он плохо спал в ту ночь, и поэтому мне приснился самый сладкий сон. Иногда нужно стать королем на день. Может быть, именно это позволит смело встретить следующий.

Я все еще пытался понять ее мир, то, через что она прошла, и решимость, которая потребовалась, чтобы остаться в

живых.

– Смело? Ты самый смелый человек, которого я встречал. – Я покосился на нее. – И, разумеется, самый хитрый.

Она вытащила косточку из финика и бросила ее в меня, попав в подбородок.

Я потер место ушиба.

– Интриганка с хорошим прицелом?

– И это говорит величайший интриган, но я приму комплимент, – сказала она и посмотрела вперед, ее плечи мягко раскачивались при каждом шаге Мийе. Она долго молчала, прежде чем спросить:

– Ты скажешь им, что я была воровкой?

Моя семья. Я знал, что она говорила о ней, но ушел от ответа.

– Была? Ты все еще воровка. Я пересчитываю свои пальцы каждый вечер перед сном. Но давай не будем заставлять их называть тебя Десяткой.

– *Джейс.*

Я вздохнул. Полная открытость между мной и Кази – это одно, но в семье – совсем другое. Мне придется успокаивать их, прежде чем успею хоть что-то объяснить. Я знал, что они выслушают, но им будет трудно перейти от кипящего гнева к объятиям. Не тогда, когда их дом был захвачен, а главные инвестиции – и *патри* – украдены кем-то, кому, как они думали, можно доверять.

– Да, я скажу им. Когда будешь готова. Хотя, возможно,

лучше раскрывать им правду постепенно.

Она усмехнулась.

– Согласна. Полагаю, не стоит сразу обрушивать на них все.

– Конечно, ты ведь понимаешь, что как только все расскажешь Лидии и Нэшу, они захотят, чтобы ты научила их всему, что знаешь.

– Пока мы ограничимся жонглированием и вытаскиванием монет из ушей. Освоить тени немного сложнее.

– Не забудь о тайных знаках, – напомнил я. – Им понравится использовать их за обедом.

Она улыбнулась.

– Уже в моем списке приоритетов.

Прежде чем остаться одной, рассказала она мне, они с матерью придумали тайный язык, чтобы выжить на улицах Венды, потому что часто попадали в опасные ситуации, когда приходилось молчать. В моем запасе имелось несколько сигналов, но я был удивлен, сколько их было у нее и ее матери. Щелчок пальцами означал улыбку, опущенный подбородок – *наблюдай, приготовься*, застывшая рука – *не двигайся*.

Я тоже рассказывал Кази истории о своем детстве, о том, в какие неприятности попадали мы, старшие дети. Она смеялась, одновременно удивляясь и забавляясь. Я рассказал ей об одном жарком лете, когда нам было особенно скучно. Мы вооружились веревками и шкивами и похищали шляпы у ничего не подозревающих людей, проходивших по набереж-

ной, где мы затаились среди тембрисовых деревьев.

– Тренировался воровать? Неудивительно, что торговка назвала тебя одним из диких отпрысков Белленджеров.

Я пожал плечами.

– Мы вернули шляпы, но мама нас отругала. Она сказала, что если бы мы уделяли учебе хотя бы половину времени, что тратили на шалости, то стали бы гениями. Но когда она думала, что мы не замечаем, то видели, как она одобрительно кивала нашему отцу. Они оба считали нас очень умными

– Да, – согласилась Кази. – Умные, как лисята, ворующие яйца из курятника.

* * *

Лес стал гуще, и над головой раздавалось верещание полосатых белок, потревоженных нашим присутствием. Мы замолчали, и мои мысли снова вернулись к Бофорту, как это часто случалось. Мы с Кази много раз обсуждали его, но так и не пришли к какому-либо выводу.

Власть над королевствами.

Но каким образом?

Да, Бофорт разрабатывал мощное оружие, но у него не было армии, чтобы его использовать. Он пришел в Дозор Тора с пустыми руками, в лохмотьях. Он и его люди представляли собой жалкое зрелище. Даже если бы он сотрудничал с лигами и вооружил их пусковыми установками, он все равно

не смог бы подчинить целое королевство, не говоря уже обо всех.

Неужели Бофорт бредил? Пытался воплотить в жизнь пустые мечты о власти? Если так, то Кардос и остальные были такими же безумцами, как и он. Но Долина Стражей не была иллюзией. Массовые захоронения были до тошноты реальны. Возможно, только безумцы могли изобрести такие схемы.

– Думаешь, это Пасть Огра? – спросила Кази.

Мы прошли мимо ряда разрушенных колонн, возвышающихся посреди леса, о их назначении давно никто не знал, но они выглядели, как те руины, которые описал нам Свен. В этом лесу встречалось так много следов других времен, что я достал карту и еще раз сверился с ней, чтобы убедиться в правильности своих предположений.

– Да, – ответил я, – именно она.

«Ты спрашивал, почему открытый мир меня пугает, Джейс? Потому что в нем негде спрятаться».

Судя по карте, мы скоро попадем в одно из таких открытых мест. Казалось, меня это беспокоило больше, чем ее. Я привык решать проблемы, устранять их тем или иным способом, но эту не мог решить. Не мог отменить прошлое и исправить то, что было сделано. Ее страх тяготил меня. Я уже изучил карту, пытаюсь найти какой-нибудь обходной путь, но его не существовало.

Мы свернули, горы и лес остались у нас за спиной. Мы

оказались на тропинке, с которой открывался вид на бесконечную равнину странного темно-красного цвета. На далеком севере мерцала суровая Дьявольская земля, словно серебряное море, омывающее берега.

– Стоп, Мийе. – Кази замерла и смотрела на раскинувшийся перед нами простор. Нам уже в третий раз приходилось пересекать открытую местность, где не встречалось никакого укрытия.

Я наблюдал, как ее глаза скользят по ландшафту, а грудь вздымается от учащенного дыхания.

– Тебе больше не нужно бояться Зейна, Кази. За него отвечает семья. Они его не отпустят.

Она недоверчиво хмыкнула.

– Ты так уверен? Ганнер был не против обменять его, когда я с ним виделась в последний раз.

– Я обещаю, Ганнер не отпустит его. – Хотел бы сказать, что все дело в том, что Зейн сделал более десяти лет назад с ней и ее матерью, но Ганнер держал его не из-за этого. Зейн связан с охотниками за рабами, которые прибыли в Хеллсмаус и похитили меня и других граждан, и за это Ганнер никогда не позволит ему покинуть Дозор Тора – по крайней мере живым.

Я наблюдал, как она сосредоточилась на горизонте, на крошечной точке вдалеке, вероятно, представляя себе оживленный город, полный теней и темных углов, и только эта пустыня мешала ей добраться туда. Она приподняла подбор-

родок.

– Я уже не та беспомощная шестилетняя девочка, Джейс. Я не боюсь Зейна. Уверяю, теперь он боится меня. Оглядывается через плечо, ожидая, когда откроется дверь и я войду. Боится спать по ночам.

Я не сомневался в этом. Я помнил выражение его лица, когда он увидел ее той последней ночью в Дозоре Тора – увидел, что она смотрит на него. Ее глаза светились первобытным голодом, свирепостью кандокского медведя, которого невозможно остановить. И все же чувствовал, как колотится ее сердце, когда я притягивал ее к себе ночью, а на нас давило открытое небо.

– Но я видел, ты...

– Все еще с трудом сплю под открытым небом? Знаю. – Ее лицо омрачилось, брови сошлись вместе, будто она тоже была озадачена этим. Она вздохнула. – Не могу избавиться от этого страха. Сейчас это часть моей сущности. Мой разум говорит, что бояться нечего, но что-то внутри меня, что не могу контролировать, реагирует по-другому. – Я услышал смятение в ее голосе. Она повернулась и посмотрела на меня. – Не уверена, сколько времени потребуется, чтобы убедить мое сердце перестать бешено колотиться каждый раз, когда сталкиваюсь с тем, что мне негде спрятаться. Может, целая жизнь. А ты готов к этому?

– При условии, что будет много загадок.

– У меня припасено несколько.

У меня тоже. Например, сколько моих братьев смогут удержать меня от того, чтобы не наброситься на Зейна, когда мы снова вернемся домой? Как он будет отвечать на мои вопросы, когда мои руки обхватят его горло? Он украл мать Кази. Оставил шестилетнего ребенка умирать на улицах Венды. При мысли о нем у меня участился пульс, но я знал, что Зейн – не мое дело. Я ненавидел его всего несколько месяцев. У Кази это заняло одиннадцать лет. Ее гнев намного превосходил мой.

Зейном займется Кази. После того, как получит ответы.

* * *

Мы быстро спустились в долину, почва была настолько красной, что казалось, будто она пропитана соком спелой вишни или кровью. Это место таило в себе множество сюрпризов. Ландшафт, через который мы проезжали, казался одновременно захватывающим и монотонным, а иногда пугающим. Самым впечатляющим был Каменный каньон, который Свен четко обозначил на карте. *«Если хотите, объезжайте. Большинство так и делают. Это зрелище вы не скоро забудете, но это самый короткий путь»*. Его-то мы с Кази и выбрали, но каждый мой нерв напрягся, когда мы преодолевали каньон. Тайгон и Мийе протестующе затрясли головами. Даже им было видно, что эти камни – не просто камни, а ветер жутко свистел, словно поток голосов.

Свен рассказал нам, что легенда гласила, будто от одной из звезд разрушения разлетелся, как брызжащий фонтан, расплавленный камень. Древние люди были пойманы посреди дороги, когда бежали прочь. Люди сгрудились вместе, как одна скала, навечно прикованные к возвышающимся над ними утесам. Иногда из этой массы выступали отчетливые, полные ужаса лица. Эту часть истории невозможно было стереть. Застывшие во времени лица обрамляли наш путь, они являлись мрачным напоминанием, как быстро изменился мир древних. Возможно, как быстро может измениться и наш.

По сравнению с этим красная равнина, по которой мы ехали, казалась почти безмятежной, и если для того, чтобы провести Кази через нее, потребуется несколько десятков загадок или легенд Белленджеров, я был готов. Иногда я думал, что, пока мы ехали в тишине, Кази занималась сочинением очередной загадки. Ведь она никогда не задумывалась, когда я просил ее о новой. С другой стороны, я не умел их сочинять и с большим трудом справился с единственной, которую загадал. Но и одной Кази показалось достаточно. Она просила повторить ее снова и снова.

«Расскажи еще раз, Джейс».

«Но ты уже знаешь ответ».

«Но этот ответ никогда мне не наскучит».

И, возможно, я никогда не устану повторять его. Я потрогал красную ленточку, привязанную к седлу.

«Для чего она, Кази?»

С тех пор как впервые увидел, как она смотрит на мою обнаженную грудь, больше не замечал, чтобы ее лицо покрывалось теплым румянцем.

«Скажи мне».

Но в глубине души, кажется, уже знал, и если подарки вроде этой ленты означали неприятности, то именно такого рода неприятностей я и хотел.

Кази прочистила горло, чтобы привлечь мое внимание.

– Хорошо, тогда получай, *патри*, – сказала она. – Слушай внимательно. Я не буду повторять.

Да, она сочиняла загадку. Как я и думал.

*У меня две руки, но нет костей,
Не страшны мне удары ни ножей, ни камней.
У меня есть голова, но нет лица,
Чтобы с тобой сравняться, не нужны мне глаза.
Я – хитрость, вор, обман зрения,
Моя одежда состоит из тайн и вранья.
Я мал и худ, я огромен и высок,
Но с приходом темноты
от меня остается ничто.*

– Дай подумать. – Я был озадачен. Руки без костей? Голова, но без лица? Я размышлял, когда что-то привлекло мое внимание.

Мы остановили лошадей и посмотрели в небо.

– Вальспрей, – прошептала Кази неуверенно.

Мы увидели его одновременно. Белое пятнышко в ослепительно голубом небе летело к нам, массивные крылья скользили по воздуху, величественные и неземные одновременно. Дикая птица? Учитывая наше местоположение, казалось маловероятным, что это обученная птица-посланник. Она быстро приближалась, пролетев так низко, что я мог разглядеть черные перья над ее глазами. Среди этой глуши она представляла удивительное зрелище, притягивая наши взгляды. Но внезапно она резко подалась назад, будто ее что-то ударило. Перья разлетелись по воздуху, и она, дергаясь, упала на землю.

– Вниз! – закричал я, спрыгивая и увлекая за собой Кази. Кто-то подстрелил птицу.

Мы были не одни.

Глава четвертая

Кази

Джейс нависал надо мной, его рука бережно прижималась к моей спине. Мийе и Тайгон нервно ржали. Джейс быстро встал, достал из сумок луки и опустился на землю рядом со мной. Мы осмотрели равнину. Спрятаться негде. Откуда стреляли? Не было сомнений, что вальспрея подстрелили. Ни одна птица не станет так резко менять направление полета и падать на землю безо всякой причины.

– Я не видел стрелы, – прошептал Джейс. – А ты?

– Нет. Ни одной.

Но если не стрела, то что? Камень из пращи? Но камня я тоже не заметила. Хищник? Но вальспрей большая птица, с размахом крыльев в пять футов. Чтобы сбить ее, хищник должен быть гораздо крупнее, вроде ракаа. Поблизости таких не было заметно.

Мы слегка приподнялись на локтях, высматривая, не появится ли кто-нибудь из ямы, вырытой на равнине, но никто не появлялся. Наконец мы встали спина к спине, натянув луки, синхронизируя движения, пока высматривали и ждали. Но единственное, что мы слышали, – тихий шум легкого ветерка, овевающего равнину.

Мы подошли к тому месту, где упала птица, – белое пятно

на багровом фоне. Одно из сломанных крыльев направлено в небо, словно в надежде на второй шанс. Ни взмахов крыльями, ни судорожных движений. Птица была мертва. Но когда мы приблизились и рассмотрели ее ближе, то поняли, что-то с ней не так.

– Что за... – произнес Джейс. Мы уставились на птицу.

Птица умерла. Но было ясно, что она мертва уже несколько недель. Ее глаза смотрели впалыми дырами, ребра обтягивала разложившаяся тонкая кожа, перья на груди облезли. Мы огляделись, думая, что где-то должна быть другая птица, но ее не оказалось. Это была *та* самая птица, которую мы видели падающей с неба.

Обман зрения?

Ее занесло сюда ветром?

Мы предлагали различные варианты, но ни один из них не имел смысла.

Джейс подтолкнул тушку сапогом, перевернув птицу. К ее лапке был прикреплен футляр с сообщением. В конце концов, это же обученный вальспрей. Я наклонилась и стянула футляр с лапки, затем взялась за нитку, которой он был обвязан. Она порвалась, и в моих руках оказался небольшой кусок пергамента.

Слова, которые прочитала, вышибли воздух из моих легких.

– От кого послание? – спросил Джейс.

– Не знаю.

– Тогда для кого оно?

Я уставилась на записку, недоумевая, как такое возможно, но глубоко внутри знала. Иногда послания сами находят людей.

Призраки, они взывают к нам в неожиданные моменты.
Это не послание, переданное с вальспреем. Оно отправлено с посланником другого рода. Я крепко сжала пергамент, не желая отдавать его Джейсу.

– Кази? Что не так?

Никаких секретов – мы дали друг другу обещание.

Я протянула ему записку.

– Сообщение для нас, – сказала я.

Джейс взял ее и внимательно прочитал, кажется, несколько раз, потому что продолжал смотреть на слова. Он покачал головой, его губы побледнели. Он моргнул, словно пытаясь прояснить зрение, пытаясь заставить слова перестроиться в нечто имеющее смысл.

Джейс, Кази, кто угодно!

Возвращайтесь! Пожалуйста!

Самюэль мертв.

Они стучат в дверь.

Я должна...

В одно мгновение выражение его лица из растерянного превратилось в гневное.

– Это розыгрыш. Большой розыгрыш. – Он скомкал бумагу и обернулся, снова осматривая ландшафт в поисках на-

падавшего. – Выходи! – крикнул он. В ответ раздался лишь призрачный вой ветра.

– Узнаешь почерк? – спросила я. Это были каракули, написанные в спешке. Не похоже на обман.

Он вновь посмотрел на сообщение.

– Я не уверен. Возможно, это Джалейн. У нас есть вальс-прей на бирже... Дверь в контору там... – Он зашагал, качая головой. – Я устроил Самюэля работать там, пока его рука заживала. Он... – Джейс помрачнел, и я почти видела, как бешено мечутся его мысли, в то время как мои замерли перед единственным выводом...

– Самюэль *не* мертв, – прорычал Джейс, словно догадавшись, о чем я думаю. – Джалейн слишком остро реагирует. Однажды она решила, что я умер, когда упал с дерева и мне не хватало воздуха. Она рассказала родителям и подняла панику. – Он снова осмотрелся вокруг, размышляя вслух. – Может, это написал Арам, а может, кто-то, кого мы даже не знаем. Кто-то пытается обмануть тебя, чтобы заставить освободить меня. Может, они не получили сообщение, что я возвращаюсь домой. Может, все еще думают, что ты продолжаешь меня удерживать? А может... – Он остановился на полуслове, и его плечи опустились. Он наклонился вперед, упираясь руками в спину Тайгона, словно это было единственное, что его держало. – Самюэль не мертв, – повторил он, но на этот раз так тихо, что его мог услышать только призрак.

Я взглянула в сторону, где лежала птица, и увидела

Смерть, сгорбленную, с прогнутой спиной, поднимающую тело со дна долины. Джейс обернулся ко мне, посмотрел на птицу, на тело, на Смерть – и все исчезло.

* * *

Кто написал записку, как она попала к нам и можно ли было вообще ей верить – это уже второстепенные вопросы. Главное, добраться до дома. Мы останавливались у водопоев, только чтобы напоить лошадей, сами же не отдыхали, пока не наступала темнота.

Я оглянулась на тропинку, которую мы протоптали в песчаной почве, – кривую линию среди красного ландшафта. Угасающие лучи солнца бросали свет на наши следы.

Мы молча развели костер, собирая хворост и ломая ветки увядших кустов. Джейс боролся с одной, которая никак не хотела отрываться.

– Черт! – заорал он, яростно дергая.

Я приблизилась к нему и коснулась руки.

– Джейс...

Он замер, его грудь вздымалась, ноздри раздувались, взгляд был устремлен на хрупкий куст.

– Я не знаю, как такое могло случиться, – сказал он. – Если бы не его рука... – Он повернулся и посмотрел мне в глаза. – Самюэль был сильным и зорким, но его раненая рука... – Голос Джейса сорвался.

Был. Самюэль *был*.

– Все будет хорошо, Джейс. Мы разберемся со всем вместе. – Каждое мое слово казалось пустым и неуместным, но я не знала, что еще можно сделать. Я чувствовала себя бесполезной.

Он отвел взгляд, и его грудь поднялась в медленном вдохе. Он провел рукой по волосам и расправил плечи. Я видела, что он собирается с силами, отказываясь поддаваться отчаянию. Я открыла рот, чтобы заговорить, но он покачал головой и стал рыться в своем снаряжении. Он вытащил топор и одним яростным взмахом отделил ветку от куста.

– Вот, – сказал он и бросил ее в огонь. Искры заплясали в воздухе. Он переключил внимание на мертвый пенёк и стал рубить его с той же жестокостью. Шум гнетуще раздавался в пустоте, и каждый *удар* отдавался в моих костях.

– Джейс, поговори со мной. Пожалуйста. Вiniшь меня? Потому что тебя там не было?

Он остановился и уставился на меня, ярость исчезла с его лица.

– Тебя? О чем ты говоришь? – Он опустил топор на землю. – В этом нет твоей вины, Кази. Это все мы. Это история Белленджеров. Именно об этом пытался сказать тебе. За нашей дверью всегда ждали волки. Наша история была полна насилия, но не потому, что мы так хотели. Теперь у нас наконец-то появился шанс покончить с этим. Больше никакой борьбы за власть и черных рынков. Больше не нужно пла-

тить налоги королю, который ничего не делает для улучшения жизни людей в Хеллсмаусе. Лидия и Нэш будут расти не так, как я. У них будет другая жизнь, такая, где им не придется постоянно быть настороже. Им не понадобится стража, чтобы сопровождать их везде, куда бы они ни пошли. Наша история скоро изменится. Мы изменим ее вместе, помнишь?

Я кивнула, и он притянул меня в объятия, забыв о костре.

Волк за дверью. Я не могла не думать о Зейне. Моя история тоже собиралась измениться.

Чтобы история не повторялась,
Пусть передаются предания
От отца к сыну, от матери к дочери,
Ибо для одного поколения
Предания и правда потеряны навсегда.

– Песнь Джезелии

Глава пятая

Джейс

Ветер завывал над равниной, как загнанный зверь.

Мы с Кази тесно прижались друг к другу, натянув одеяла на головы, делясь теплом. Ее сонное дыхание мягко касалось моей груди.

«Винишь меня?»

Я знал, на что способна тишина, – страх и сомнения, которые она может посеять. Я использовал ее против заключенных, позволяя длинным секундам заполнить их воображение отвратительными и болезненными образами. Я использовал ее с торговцами и послами, чтобы выиграть переговоры, заставляя думать, что вот-вот уйду. Я использовал тишину и против Зейна, чтобы узнать имя Деверо. Но никогда не собирался выстраивать стены тишины между мной и Кази. Я был поглощен своими мыслями, чувствуя, как мое отрицание ослабевает с каждой пройденной милей. Я не хотел верить, что записка могла оказаться правдой. Тишина, которую слышала Кази, была лишь страхом, запертым во мне. Но откуда ей знать об этом? Я на себе испытал, как молчание может довести до предела, когда отец не хотел со мной разговаривать.

«Дай ему время, Джейс, – сказал мне Тиаго. – Он не со зла.

Сейчас он ослеплен горем».

Слова Тиаго ничего не значили для меня тогда.

Отец ворвался в парадную дверь, зовя мою мать. Известие о смерти Сильви дошло до него. Он был в отъезде, преследовал преступников, напавших на нашу ферму. Он пронесся по коридору, грязный, мокрый после дождя. Я попытался остановить его у подножия лестницы, чтобы объяснить, но он отпихнул меня в сторону. *«Прочь с дороги!»*

В последующие дни все силы семьи были направлены на спасение моих братьев и сестер, которые все еще болели. Мика умер. Остальные выздоровели. Страхи, которыми хотел поделиться с отцом, так и остались запертыми внутри меня. А потом я украл тело Сильви. Отец не мог знать, какое чувство вины вызывало у меня его молчание. Но Тиаго знал. *«Дай ему время»*, – повторил он несколько дней спустя, когда весь дом слушал ссору моих родителей.

«Если бы я был здесь...»

«Ты бы ничего не смог сделать...»

«Я бы...»

«Ты не бог, Карсен! Перестань вести себя так! У тебя нет лекарства от лихорадки! Ни у кого нет!»

«У нас должно быть больше лекарей! Больше...»

«Ради всего святого, Карсен! Это уже свершилось! Важно то, как мы будем жить дальше!»

Их крики пробирали меня насквозь, сильнее, чем ледяной ветер, завывавший снаружи. Все так и было. Он не мог

изменить исход. Но я? Мог ли сделать что-то для Самюэля? Я не должен был пускать его на биржу, но думал, что контора надежно защищена. У нас хорошо вооруженная охрана, потому что там совершались большие сделки. Кто на него напал? Или это произошло где-то в другом месте? Разъяренный торговец в подворотне? Группа заговорщиков, как у Фертига, поджидающая на пустынной тропе? Где была его стража?

– Ты проснулся, – прошептала Кази сонным голосом.

– Т-с-с, – сказал я. – Поспи еще.

– О чем ты думаешь?

Моя рука крепче обвилась вокруг нее.

– Я думаю, как сильно тебя люблю.

– Тогда я рада, что ты не спишь. Расскажи мне еще раз, Джейс. Расскажи загадку...

Она пробормотала несколько бессвязных слов и снова заснула, прижавшись щекой к моему плечу. Я поцеловал ее макушку. Мое дыхание, моя кровь, мое спокойствие.

* * *

Мы были в предгорьях, солнце светило в лицо. Во мне зашевелилось чувство надежды, словно мы вернулись на верный путь, к привычному, и мертвые птицы больше не будут падать с неба на кровавую землю. Мы вернулись в рациональный мир, который я понимал. И все же мы измени-

ли маршрут, чтобы подойти к Дозору Тора с другой стороны, через туннель Грейсона. Этот путь длиннее, но если какая-нибудь лига и устраивала неприятности, то, скорее всего, они поджидали нас в городе, а у нас не было стражи.

Кази резко вдохнула.

– Что не так? – спросил я, быстро осматривая окрестности.

Она улыбнулась, на ее лице читалось удивление.

– Я только что поняла, что Хеллсмаус будет не единственным городом в границах твоего нового королевства. Есть еще один.

Я знал каждый холм, долину и ущелье в Дозоре Тора.

– Нет, – ответил я. – Хеллсмаус – единственный город. Это так.

– А еще есть поселение.

Вдруг я понял. Это не совсем город, но он находился в пределах новых границ, которые я объявил. Я вздохнул.

– Что подумает об этом Каемус?

– Сомневаюсь, что с ним возникнут проблемы. Думаю, он будет не против. А вот Керри, напротив, может еще раз ударить тебя, когда узнает, что ты его новый король.

– В следующий приезд обязательно надену высокие сапоги. А как насчет твоей королевы?

– Она благодарна тебе, Джейс. Ты же знаешь.

Я знал. Она сказала об этом еще раз, когда мы ужинали с ней и королем.

– Но это было до того, как она узнала, что ее поселение будет находиться в моих владениях. Я не хочу осложнений, которые поставят под угрозу...

– Нужно придумать название. Есть идеи?

– Лучше оставим это Каемусу.

– Точно. – Но она все же не остановилась и предложила несколько названий, ее голова склонилась, пока она слушала, как они звучат на ее языке, ее мечты были такими же яркими, как и мои.

Глава шестая

Кази

Отголоски осени пробивались среди деревьев, которые с трепетом сбрасывали последние листья. Зима была нетерпелива и по утрам покрывала все белым инеем. Мне стало интересно, как выглядит Дозор Тора зимой. Темные башни на фоне снежного пейзажа.

Сегодня мы должны добраться до дома. Джейс думал, что мы прибудем к ночи, и даже наступающая темнота не могла остановить его. По мере того как перед ним открывались новые виды, он внимательно осматривал горизонт, словно ожидая увидеть кого-то знакомого.

Нам не терпелось оказаться дома. Сегодня мы будем спать в постелях в Дозоре Тора. Будем ужинать за семейным столом. Наша новая жизнь начиналась.

Тоска, пробудившаяся во мне, стала неожиданностью. Возможно, неослабевающая вера Джейса в то, что это начало чего-то нового, завладела и мной. Я с нетерпением ждала будущего, но в моей груди словно гудел рой пчел. Мне предстояло войти в дружную семью, связанную общей историей и традициями. Но были и другие вещи, о которых стоило волноваться.

«Мы скоро получим ответы», – обещал Джейс. Неопреде-

ленность была червем, который пожирал нас. Мы отчаянно хотели разобраться с запиской и узнать, что случилось с Самюэлем. Но при мысли о Зейне мой желудок скрутило. Не то чтобы боялась его, по крайней мере, не того, что он может сделать со мной. Натия и Эбен научили меня, как можно убить человека без ножа. Я была гораздо лучше обучена, чем Зейн. Но боялась того, что он мог мне сказать.

В ту ночь, когда спросила его о своей матери, я ощутила ужас. В одно мгновение снова стала ребенком, мои кости превратились в желе, неуверенность, которую долгие годы подавляла в себе, вдруг ожила. И мне предстояло пережить это снова, когда столкнусь с Зейном. Страх превратился в новый вопрос: не лучше ли остаться в неизвестности?

«Просто убей его, Кази, – говорила я себе. – Ведь ты всегда мечтала это сделать. Убей его и покончи с этим. Тебе не нужны ответы». Я жила с сомнениями так долго – могла жить с ними вечно. Справедливость – все, что меня волновало. Ответы ничего не изменили бы. Моей матери больше нет.

«Как ты можешь быть уверена, что она мертва?»

Вопрос Джейса был таким же хрупким, как яйцо малиновки на его ладони. Он осторожно протянул его мне, будто скорлупа уже треснула. Конечно, у меня нет уверенности, что она мертва. Да и вообще. Я не видела ее мертвого тела, но увидела сон и сделала из него вывод, вырезанный кусочек головоломки, который вписался в форму моей жизни.

Я так долго верила, что однажды мама вернется ко мне, или, если буду искать усерднее, сама найду ее.

И вот лютой зимой, когда многие венданцы уже умерли, я свернулась калачиком, дрожа в своей лачуге, посиневшая от холода, думая, что могу стать следующей, как вдруг услышала шум.

Т-с-с.

«Это всего лишь ветер», – говорила я себе.

Кази.

Это всего лишь мой урчащий живот.

Т-с-с.

Мне было так холодно, я промерзла до костей, но все равно выбежала на улицу, в отчаянии, не желая оставаться одна. Снег резко обрушивался на меня, сугробы морозили ноги, ветер хлестал по лицу, а потом... Наступило странное затишье. На фоне поразительной белизны, делавшей пустые улицы Венды неузнаваемыми, я что-то заметила.

Была ли у меня лихорадка? Бред, вызванный голодом? Даже тогда все это не казалось реальным. Как могла объяснить Джейсу то, чего не понимала сама? Я видела свою мать, ее длинные черные волосы падали на спину, а на голове красовалась корона из свежих зеленых лоз, такая, какие она плела для меня по праздникам. Мама была весной посреди суровой зимы. Она повернулась. Ее глаза, теплый янтарь, смотрели в мои, словно пытаясь послать мне один из наших тайных сигналов. Ее губы произнесли мое имя – *Кази, моя дорогая,*

моя чадрах, – а затем она повернулась и пошла прочь, но теперь кто-то был рядом с ней. *Она* тоже посмотрела на меня. Смерть. Мама позволила ей взять себя под руку. Смерть задержалась еще на мгновение. Она смотрела на меня, потом предупреждающе топнула ногой, и я побежала обратно в свою лачугу.

«Может быть, ты увидела именно то, что позволило тебе двигаться дальше?» – предположил Джейс.

С тех пор я бесчисленное количество раз прокручивала в голове эту мысль. Было ли это лишь отчаянным одиночеством, которое наконец отпустило меня? Мама ускользала от меня месяцами и годами, мое чувство вины росло по мере того, как стирались воспоминания о ней, и заставляло возобновлять поиски.

Может, встреча с ней в ту ночь была ее посланием мне, чтобы я перестала ждать ее возвращения. Чтобы перестала искать.

Но через некоторое время я начала искать кого-то другого. Так или иначе, не могла отпустить ее.

С той ночи видела Смерть много раз – и это был не сон. Возможно, она всегда находилась рядом, а в попытках выжить я просто не замечала ее. Может быть, открыв темную дверь, ее уже нельзя закрыть. Временами я неожиданно слышала предупреждающий шепот призраков, а Смерть наслаждалась, дразня меня и подталкивая. Она стала напоминать мне квотерлорда, которого я твердо решила победить, и на-

градой за это была моя жизнь.

– Яблоки! – неожиданно воскликнул Джейс. Он уже направлял Тайгона к дереву, срывая на ходу спелые красные яблоки. Он бросил несколько для лошадей на землю и собрал побольше в складки плаща, прежде чем слезть с лошади. Он надкусил одно, с наслаждением жуя, а затем пожал плечами.

– Я первым заметил их, но ты можешь убедить меня поделиться.

Я посмотрела на него сверху вниз.

– За определенную цену, полагаю?

Он усмехнулся.

– У всего есть цена.

Я закатила глаза.

– Ну разумеется. – Я соскользнула с Мийе и направилась к нему. – И даже для посла?

– Сначала яблоко. А потом ты захочешь собственный офис.

Я поморщилась.

– Маленький офис для посла? О нет. Я рассчитываю на одну из тех шикарных квартир на бирже. На верхнем уровне.

– Боюсь, они довольно дорогие. – Он обвил рукой мою талию и дал мне откусить от своего яблока, а затем поцеловал, сладкий сок увлажнил наши губы.

– Ну, *патри*, и чего мне это может стоить?

Его брови приподнялись.

– Думаю, будет лучше, если я покажу.

Мы снова поцеловались, подшучивая друг над другом, пока он тянул меня к земле. Я знала, что легкость, игра, смех были его подарком мне, обещанием, что как бы близко мы ни находились от Дозора Тора и какие бы трудности нас ни ждали, мы не потеряем красоту этих последних недель. Между нами ничего не изменится. Ему не требовалось повторять эти слова. Я чувствовала их в каждом поцелуе. Ведь это только начало.

* * *

Мийе будто почувствовал, что мы уже близко. Он ускорил шаг, предвкушая, что скоро отдохнет и получит свежее сладкое сено, которого в конюшне Белленджеров всегда в избытке. Джейс был прав насчет времени. Небо окрасилось в пурпурные полосы, сумерки быстро сгущались, пока мы направлялись к черному входу в туннель Грейсона. Над нами проплыло черное облако, в которое собрались летучие мыши, отправившись на вечернюю трапезу.

Джейс посмотрел на меня, мягкий свет сумрачного неба отразился в его карих глазах.

– Держись рядом со мной, – сказал он. – Не хочу, чтобы Прая на тебя набросилась. У нее вспыльчивый характер, на случай, если ты не заметила.

– У Праи? Вспыльчивый характер? *He-e-et*, – передраз-

нила я. — Никогда бы не подумала. — Я могла бы справиться с Праей, но не хотела столкновения. Я мечтала, чтобы наше возвращение в Дозор Тора прошло гладко и не вызвало у семьи еще большего раздражения.

— К тому времени, как мы проберемся через туннель, вести, вероятно, уже дойдут до дома. Не удивлюсь, если все будут ждать нас на пороге.

Он произнес это будто с сожалением, но я знала, что именно на это он и рассчитывал. Вся семья, включая Самюэля. Если записку написала Джалейн, то это лишь ее поспешная реакция и результат паники. Я на это надеялась, хотя перспектива столкнуться со всей его семьей на пороге дома выбила дыхание из моей груди. Я знала, что должна справиться с этим. С их гневом. И двигаться дальше. У нас был план. И они станут его частью. Наконец мы с Джейсом обогнули рощу и вышли на открытый склон, который вел к туннелю Грейсона. На фоне вечернего неба перед нами возвышался черный силуэт Дозора Тора.

Но что-то было не так.

Джейс натянул поводья Тайгона и осмотрелся. Я тоже остановилась, пытаюсь понять. Силуэт изменился.

Между шпильями Ривербенда и Рэйхауса зияла дыра, словно голодный монстр откусил кусок. Центральный шпиль замка исчез, и когда я осознала увиденное, то заметила, что исчезло еще кое-что.

Стена.

В крепостной стене у входа в Дозор Тора – прочной каменной кладке толщиной в четыре фута – зияла дыра, и груды обломков лежали под горой. Сторожевые башни тоже исчезли.

– Не может быть... – Слова замерли на губах Джейса. Прошла секунда потрясения, а затем он бросился к замку.

– Джейс! Стой! – крикнула я. – Это может быть...

Мощный вихрь рассек воздух. Потом еще один. Стрелы. Я кружила на месте, пытаюсь понять, откуда они летят.

Джейс тоже услышал их и отступил назад. Он собирался развернуть Тайгона, когда стрела попала ему в бедро. Он оскалился, пытаюсь повернуться, и еще одна стрела пронзила его плечо, заставив покачнуться. Тайгон отпрянул.

Я не могла понять, откуда стреляют. Казалось, со всех сторон. Я помчалась к Джейсу.

– *Баричэ!* – крикнула я Тайгону. – *Баричэ!* – Это была команда «беги», но стрелы продолжали свистеть вокруг, и Тайгон снова отпрянул, не зная, в какую сторону повернуть.

Джейс кричал:

– Беги, Кази! Назад! – Еще одна стрела попала ему в грудь. За долю секунды еще две пронзили бок. Он качнулся вперед.

– Джейс! – выкрикнула я, бросаясь к нему.

Ни одна стрела не попала в меня. Они целились только в *патри*. Его глаза встретились с моими.

– Уходи отсюда, – были его последние слова, прежде чем он упал на спину Тайгона.

Темные фигуры в плащах надвигались со всех сторон, окружая нас, как гиены, выкрикивая друг другу команды. «Схватить его». Держа нож в одной руке и меч в другой, я спрыгнула с Мийе и, тяжело приземлившись на ноги, сбила первую фигуру в плаще, которая уже тянулась, чтобы стащить Джейса с лошади. Я попятилась назад, отбилась от нападавшего на меня сзади, ударив его по голове, и крикнула:

– *Баричэ!* – на этот раз Мийе. Он выполнил мою команду и галопом поскакал обратно к лесу. Джейс неподвижно лежал на Тайгоне. Я развернулась, чтобы уклониться от клинка нападавшего, рывком подняла нож вверх, чтобы перерезать ему подколенное сухожилие, а затем ударила его между ребер, когда он споткнулся. Я отпихнула тело в сторону, подтолкнула Тайгона, ударив широкой стороной меча, и крикнула:

– *Баричэ!* – молясь, чтобы он последовал за Мийе, прежде чем нападавшие успеют схватить Джейса.

Это сработало. Тайгон пронесся мимо темных фигур, сбив троих с ног. Но почти в тот же миг меня схватили сзади, на голову набросили капюшон, и мир стал полностью черным. Оружие вырвали у меня из рук, но я продолжала сражаться и слышала звук, похожий на треск дыни, когда мой сапог соприкоснулся с чьей-то головой. Я выхватила из сапога маленький нож и нанесла удар в лицо тому, кто держал меня за горло. Крик разорвал воздух, хватка ослабла, но когда я потянулась, чтобы снять капюшон, кто-то ударил в жи-

вот, и меня скрутила резкая боль. Меня повалили на землю, и колено ударило мне в спину, прижав к каменистой земле.

Голоса смешались. Сколько их было? Они ждали нас. Это была засада. Они знали, что мы прибудем. Кому еще, кроме Ганнера, известно, что Джейс возвращается домой?

– Лежать, тварь!

– За ним!

– Она убила *Йерсога*!

– Туда! Вперед!

– Черт возьми!

– Далеко он не уйдет!

– Оставайся с ней! Я поймаю его!

– Обыщите территорию!

Я услышала затихающий галоп погони, борясь с тяжестью, которая придавила меня. *Беги, Мийе. Глубоко в лес, туда, где темно. Пожалуйста, всеми милостями богов, беги. Не останавливайся. Я не могу его потерять.*

Голова закружилась, накатила тошнота, когда мне завели руки за спину, потом связали запястья и ноги. Земля под мной была теплой и влажной, и я почувствовала запах – соленый привкус крови. *Моей?*

Только тогда осознала, что в кулаке, который ударил меня, был нож. И прежде чем все угасло, а темнота стала глубже, поняла кое-что еще.

Я узнала один голос. Он принадлежал Пакстону.

Глава седьмая

Джейс

Мой взгляд не мог сфокусироваться. Голова кружилась, а может, это Тайгон все еще кружил в ужасе на одном месте. Я увидел, как Кази сражается, как Мийе скачет галопом. Далекая крепостная стена, лес – мир вращался вокруг меня... А потом я больше ничего не мог разглядеть.

Так?

Так все и закончится?

Может, конец уже наступил. Но моя рука. Мои пальцы. Они держали что-то.

Кази? Где ты?

Мои руки. Они горели огнем.

Держись, Джейс.

Я за что-то схватился. Грива Тайгона? Поводья? Я сжал сильнее.

– Кази... – Не мог вдохнуть. Потом все стало холодным. Застыло.

Мои руки скользнули по чему-то. Грива лошади, седло, воздух. Я упал, ударившись о землю. Стрела, застрявшая в груди, вонзилась еще глубже. Жгучая боль пронзила меня насквозь, каждая часть меня горела. Дыхание с хрипом вырывалось из легких. Крик поднялся из горла, как у умира-

ющего животного. Я услышал галоп, лошадь приближалась. Шаги. Шорох. Они близко. Попытка перевернуться на бок, ползти, выбраться, вцепившись пальцами в затхлую землю, но дышать больше не получалось. Я кашлянул кровью, соленый вкус наполнил рот. Так. Так все и должно закончиться.

Беги, Кази. Убегай...

Казу...

Оранжерейя. Пожалуйста...

Я люблю...

Дракон устроит заговор,
Надев многоликие личины,
Обманывая угнетенных,
 собирая нечестивых,
Владея мощью, как бог,
 неудержимый.

– *Песнь Венды*

Глава восьмая

Кази

– Вот так, Кази. Положи руки сюда.

Я чувствую его руку в своей, тепло против холода, Джейс учит меня танцевать джигу, как танцуют Белленджеры. Его лицо сияет, когда мы кружимся по пустому бальному залу, в котором когда-то собирались древние короли и королевы и самые могущественные люди на континенте. И в эту ночь они все еще здесь. Кажется, что наши ноги не касаются земли. Призраки наблюдают, желая, чтобы это никогда не кончалось, наклоняясь к нам, вспоминая.

– Слышишь, Джейс? Они нам аплодируют.

Он смотрит вверх на пустые балконы и улыбается, будто тоже видит и слышит их.

– Они аплодируют тебе.

Смогут ли выученные шаги произвести впечатление на его семью? Достаточно ли я ловка? Грациозна? Достаточно ли? Я действительно хочу произвести впечатление. Отчаянно хочу этого. Показать, что умею делать и другие вещи, кроме как похищать их патри. Показать, что могу стать частью семьи.

Он кружит меня, поднимая в воздух, мышцы его плеч напрягаются под моими руками, затем он позволяет мне со-

скользнуть вниз, пока наши губы не встречаются. Музыка, которую мы представляем себе, бьется о нашу кожу, воздух, обморочное бормотание тех, кто наблюдает за нами, ботинки Джейса, наши обещания, нерушимые, вечные...

Меня всегда будил грохот, дверь врезалась в стену. Зал, в котором мы танцевали, исчезал. Я снова оказывалась в маленькой темной камере, сон распадался, руки холодели. Тяжелые шаги слышались в коридоре за дверью моей камеры. Я пыталась с их помощью считать дни. Они появлялись так же регулярно, как и дразнящий луч света, но я все же не представляла, сколько времени прошло. Некоторые дни были хуже других, кошмары наполняли мою душу. Я боролась с ними. Иногда Джейс возвращал меня с черты, на которой я стояла. Его голос проникал сквозь тьму. *«Плыви по течению. Еще немного. Не останавливайся. Ты сможешь».*

Прошло пять дней? Десять? Может, гораздо больше. Один мрачный день сменялся другим без начала и конца. Шаги становились громче. Потом я слышала слабый звук, за которым следовал писк крыс: в крошечное отверстие в верхней части двери бросали засохшую булочку. Мне приходилось спешить, чтобы схватить ее до того, как это сделают крысы. Это было все, чем меня кормили. Одна булочка в день. Странно, тюремщики хотели, чтобы я осталась жива. Но чтобы была слабой.

Они боялись меня.

Я убила троих, это знала точно, и, возможно, еще одного

после того, как меня схватили. Уроки, полученные от Натии, Эбена, Кейдена и Гриза, стали частью меня и поэтому срабатывали даже в тот злополучный момент, когда на нас напали. Отчаянное желание спасти Джейса вспыхнуло во мне, как жаркое пламя. Спасти его – только это имело значение. Что теперь с ним? Я не могла потерпеть неудачу. Не в этот раз.

Где ты, Джейс?

Я твердила себе, что он успел скрыться в лесу. Не переставала разговаривать сама с собой, каждый день подбадривая себя новой надеждой, пока страх и доводы рассудка сковывали меня холодом. *Пять стрел. Одна в груди. Шансы выжить после такого...*

Я уверяла себя, что сотни стрел не смогут остановить его, что даже стрела в сердце не заставила бы остановиться, если кому-то требовалась его помощь. Я держалась за эту мысль, как за веревку, удерживающую от падения с обрыва. Но кто бы ему помог? Куда ему идти? Это напавшие на нас разрушили стены Дозора Тора?

Звон стрел все еще вибрировал в моем горле, сталь пронзала кости и плоть снова и снова. Кровь текла повсюду. Знакомый голос, мой собственный, шептал жестокие слова, которые преследовали меня всю жизнь. *Иногда люди исчезают из нашей жизни, и мы больше никогда их не видим.*

Нет! Споря с собой, я с трудом поднялась на ноги. Сдвинула крышку бочонка с водой и набрала немного воды в ладони. Она имела землистый, сладковатый вкус, будто в бо-

чонке когда-то хранился сидр. С тех пор как меня бросили сюда, его не наполняли. Может, когда вода иссякнет, не станет и меня. Я прислонилась к стене и сползла на пол, задыхаясь от напряжения. Гноящаяся рана пульсировала, лоб горел, и все же я дрожала от холода. Меня очень редко ранили, и это удивляло, учитывая мой опыт. Даже два месяца, проведенные в тюремной камере Ре Ло, обошлись без травм. Загадала ли мама желание? Много желаний, чтобы защитить меня? Может, теперь все они израсходованы. Моя чиадрах. *Она идет? Это ее я слышу, она близко?* Я провела рукой по вспотевшему лбу. *Нет, Кази, это было давно. Сейчас ты в камере, а Джейс...*

За дверью послышалось шарканье ног, затем звук замер и дверной глазок открылся. Булочка упала на пол, а затем раздался сильный *шлепок*.

Что-то тяжелое ударилось о землю. Я вдохнула, напрягаясь, и поползла на четвереньках к двери, цепи на лодыжках звенели. Я зажала рану, липкая жидкость смочила мои пальцы.

– Труссы! – закричала я, колотя в дверь, пока шаги не затихли. Моя реакция была доказательством, что я еще не слишком ослабла и не умерла. Что убью их всех. *Убью*. И Пакстон будет первым.

Но взрыв гнева потребовал больше энергии, чем у меня оставалось, и я рухнула на дверь, голова закружилась от боли, и я обрушилась на пол. *Еще один день, Кази. Пусть бу-*

дет еще один день. Как украсть ключи у тюремщиков, если они никогда не открывают дверь? Как что-то сделать, если слабею с каждой минутой? *Джейс, где ты? Я должна знать.* Возможно, желание знать – это все, что заставляло меня не сдаваться. Мне нужно быть рядом с ним. А значит, нужно есть.

Протянула руку, нащупывая булочку, и мои пальцы сошлись вокруг нее. Я могла прожить так гораздо дольше, чем они себе представляли. Столько, сколько потребуется. Мне не чужд голод. *У меня многолетний опыт в этом деле.* Я засунула булочку под рубашку и нащупала второй предмет, звук падения которого слышала. Показалось ли мне? Сны и галлюцинации были моими постоянными спутниками в этом дьявольском месте.

Моя рука коснулась чего-то мягкого. Я ощупала предмет. Ткань с узелками? Носовой платок? Я сдвинула его. Что-то податливое. Я понюхала. Что-то сладкое. Еда? Сладкое лакомство? Ловушка? Я развязала тряпку и макнула палец в густую липкую пасту, затем попробовала на язык. Мед с добавлением трав? Это не еда. Лекарство для выведения инфекции.

Лекарство? От одного из них?

Может, хотя бы кто-то по ту сторону двери хотел, чтобы я жила. Кто-то, кто тоже боялся.



На следующий день принесли еще лекарства, и на следующий, и на следующий. Что-то я съела. Мне казалось, это не повредит и может помочь. Выделения из раны прекратились. Лоб больше не пылал. Мой разум прояснился. Рана, казалось, уменьшалась. Каждый день мне приносили дополнительную булочку, внутри которой был спрятан кусочек сыра. Я с жадностью поглощала ее, но все еще была слаба после нескольких дней, проведенных в цепях и голоде. И темноте. Полной, высасывающей душу тьме. Она проникала в мои кости, как омерзительный ликер.

Мой благодетель не раскрывал себя, но каждый день чувствовала страх за дверью. Страх того, что случится, если откликнусь и раскрою его или ее. Чувствовала, что они очень рискуют ради меня. Кто тайком доставлял лекарства и дополнительную еду? Кто хотел, чтобы я осталась в живых?

Я услышала шаги – ежедневный сигнал, что еда на подходе, и опустилась на колени возле двери, готовая взять булочку и лекарства. Но вдруг раздался грохот множества ног. Грохот приблизился, и дверь распахнулась. Я вскинула руку, чтобы защитить глаза от пронзительного яркого света. Прищурилась и несколько раз моргнула, пытаясь привыкнуть к свету, которого не видела несколько дней, может быть, недель. Наконец, разглядела, что за дверью ждет груп-

па стражников. Все хорошо вооружены.

– Встать на ноги, – приказал один. – Мы идем гулять.

– А если ты слишком слаба, чтобы идти, мы тебя потащим.

– За волосы.

– Тебе решать.

Я посмотрела на своих тюремщиков – солдат в форме, с бритыми головами, высоких, крепких и мускулистых, выглядевших так, будто их вырезали из стволов гигантских деревьев, а не создали из плоти. Трое из них были на голову выше остальных. В них ощущалось что-то неестественное. Их глаза казались тусклыми, словно потертые оловянные тарелки. Солдаты? Они говорили на ландском с сильным акцентом, который был мне незнаком.

Я поморщилась, отталкиваясь от пола, держась за бок, заставляя силы вливаться в мышцы и кости, которые дрожали от слабости. Оперлась о стену.

– Я пойду.

Глава девятая

Кази

Клинк. Клинк. Клинк.

Цепь звякала по булыжникам позади, монотонные ноты наполняли мрачный воздух. Стражники заставили меня идти впереди. Пол был холодным и влажным под моими босыми ногами. Длинные затхлые коридоры, через которые мы пробирались, не давали ни малейшего намека на то, где я нахожусь.

– Боги, от нее воняет, – пожаловался стражник позади.

«Вот и хорошо, – подумала я. – Хорошенько понюхай, придурок. Возможно, ты ощущаешь этот аромат в последний раз».

Я подняла руку и распустила волосы, надеясь распространить больше запаха. Меня тут же ударили в спину и повалили на землю. Я сгорбилась при падении, пытаясь защитить живот.

– Никаких резких движений! – крикнул он. – Держи руки по бокам!

Другой стражник посмеялся, что тот слишком нервничает.

– Разве ты не видишь, что она едва может ходить?

– И она в два раза меньше тебя! – поддержал другой.

– Она – рахтан. Им нельзя доверять.

Я перевела дыхание и собрала вместе скудные детали. Нервные. Чувствительные носы. И они не доверяли рахтанам. Значит, эти люди не совсем глупы. Но ростом они как высокие деревья. Я была уверена, что мои трюки не смогут сбить их с ног. Я поднялась, опираясь на стену, руки тряслись от напряжения, на коже выступил пот. Повернулась к ним лицом, концентрируюсь на каждом по очереди. Поскольку понимала, что знакомства не стоит ждать, попыталась запомнить их отличительные черты: *сломанный нос, почерневшие зубы, вмятина на лбу, отсутствие шеи, волосатые костяшки пальцев, шрам под глазом*. Также отметила, какое оружие имелось у них – обычное, но также и что-то особенное, характерное для их земель – земель, которых не знала. Эти солдаты были не из Эйсландии.

Я не заметила ключей, но топор, который мог бы разбить мои цепи, висел на поясе у Бесшейного. Кто из них стрелял в Джейса? Может, все, но потом вспомнила – нет, голоса, которые слышала во время нападения, звучали без акцента. А у человека, в чью голову ударила, были белые волосы и борода. Эти стражники не нападали на нас, не ранили меня ножом, но они наверняка в сговоре с нападавшими. Сколько их здесь было? И чего они хотели?

– Прошу прощения за вонь, – сказала я, пытаюсь заставить их разжать недовольно поджатые губы. – Наверное, забыла принять ванну сегодня утром, а день был очень длинным.

Или прошло уже две недели?

Сломанный Нос, самый маленький из всей группы, ухмылялся. Мятоголовый оскалился.

– Я – Кази. Очень приятно познакомиться со всеми вами. У вас есть имена? – Им было не до смеха.

– Заткнись! – огрызнулся Черный Зуб. Имена, которые да-
ла им, придется оставить.

– Вперед, – приказал Бесшейный. – Генерал ждет тебя, чтобы допросить. Но сначала примешь ванну. Ему тоже не хочется нюхать твою вонь.

Его акцент. Что-то знакомое. Двое из банды налетчиков Фертига разговаривали, как эти солдаты. Что это за акцент? И кто их генерал? Тот, что напал на Дозор Тора? Мы дошли до купальни, и Глаз со Шрамом, покопавшись в кармане жилета, достал ключ, которым отстегнул цепи на моих ногах, а затем толкнул меня внутрь и велел торопиться. У меня лишь пять минут, и лучше мне выйти оттуда пахнувшей розами. Черный Зуб рассмеялся, будто это невозможно. Глаз со Шрамом не улыбнулся. Выражение его лица не менялось.

Алебастровые бра освещали зал теплым мерцающим светом. Помещение оказалось не таким, как ожидала. Мыло? Пушистые полотенца? Свежая, чистая одежда, сложенная на диване? Большая медная ванна с горячей водой? Обувь? Это подкуп? Кто этот генерал с чувствительным носом? Мне почти показалось, что за мной ухаживают – если бы не ножевая рана и хмурые стражники. Скорее, меня готовили к чему-то,

и я сомневалась, что к чему-то хорошему.

Я сняла одежду, а затем, очень осторожно, липкую припарку с раны, впервые хорошо рассмотрев ее. Кожа была сморщенной, воспаленной и кое-где все еще кровоточила. Остатки меда и трав налипли вокруг раны. Когда опустилась в ванну, горячая вода обжигала, а от твердого мыла жгло еще сильнее. Я мыла рану осторожно и быстро, морщась от боли. В то же время мой взгляд обшаривал каждый угол комнаты в поисках того, что можно использовать как оружие. Ничего не нашлось. Единственным вариантом было отломать ножку дивана, чтобы использовать ее в качестве дубинки, но тогда я подниму шум, а мое «оружие» не очень поможет против длинных алебард. Но вдруг обратила внимание на край мягкой обивки дивана. Декоративные гвозди удерживали ткань. Они также бесполезны против алебард и мечей, но в какой-то момент могут пригодиться.

– Еще одна минута! – крикнул Бешейный через дверь.

Я выскочила из ванны, вытерлась и надела рубашку и брюки, которые мне оставили, затем принялась за обшивку дивана, вытаскивая гвозди.

– Время вышло! – дверь открылась.

Я сидела на диване, спиной к стражнику, гвозди были зажаты у меня между колен.

– Я просто обувалась, – сказала я.

– Поторопись! Никаких резких движений.

Я взяла два маленьких гвоздя и засунула их в подол ру-

башки, пока наклонялась, чтобы надеть туфли.

Цепи не стали надевать мне на ноги. Возможно, стражники посчитали меня достаточно слабой, не представлявшей угрозы.

– Мы встретимся с Пакстоном? – спросила я, идя впереди.

– Молчать!

– К генералу?

– Я сказал, никаких вопросов!

И никаких резких движений. Эти люди были очень осмоторительными. Чтобы отвлечь их, жонглировать апельсинами недостаточно. Один шел впереди, когда мы поднимались по узкой каменной лестнице. Я почти не двигалась несколько дней и уж тем более не поднималась по лестнице. На полпути вверх от напряжения голова закружилась. Если бы не дополнительная еда и лекарства, которые получила, то не смогла бы пройти так далеко. Мои колени дрожали.

На следующей ступеньке споткнулась и схватилась за стену, чтобы удержаться. Стражник позади выругался, налетев на меня. Я упала на него, и он оттолкнул меня. Остальные засмеялись. Я была именно такой, какой они хотели меня видеть. Слабой и в их полной власти.

– Тупая скотина!

– Она не очень-то похожа на солдата теперь, да?

– Тощая слабачка.

– Не останавливайся! – крикнул другой.

Я так и сделала. Ставила одну ногу перед другой, делала

один вдох за другим. Слабость не помешала мне оставаться солдатом. Возможно, даже сделала меня сильнее. Я умела использовать все, любое неловкое движение.

Маленький нож стражника теперь лежал в моем кармане.

* * *

Мы вошли в просторный зал, где кипела работа. Солдаты сгорбились над столами, изучая карты. Кто-то катил большие котлы, исходящие паром, к ожидающей очереди. От запаха еды у меня заболели щеки. Горячий паррич, сладкие кукурузные оладьи, копченое мясо. Колени ослабли и дрожали, пока я вдыхала ароматы, витавшие в воздухе. Когда увидела толстый окорок, лежащий на столе возле котелков, мне потребовалось все самообладание, чтобы не броситься к нему. Волосатые Костяшки был крепким стражником, упитанным и безразличным к изобилию еды. Он шел впереди не останавливаясь.

Я осмотрела зал, ища людей, которых могла бы узнать, например Пакстона или кого-нибудь из его накачанных стражников. Но потом мой взгляд выделил *детали*. Они внезапно расцвели передо мной. Высокие потолки, огромные железные люстры, тяжелые гобелены со сценами охоты и пикников. Это был красивый, хорошо обставленный зал, с мягкими диванами вдоль стен и коврами — не солдатская казарма.

В одном конце стояли богато украшенные серванты, за-

ставленные изысканной посудой, а на дальней стене висел герб – *герб Белленджеров*. У меня пересохло в горле. *Это была их гостиница*. Мы находились в столовой гостиницы «Белленджер», но самих Белленджеров здесь не было. Ни Ганнера, ни Праи, ни постояльцев, только солдаты, похожие на тех, которые сопровождали меня. *Я в Хеллсмаусе*. Что за безумие? Кто эти люди? Здесь не только Пакстон и его головорезы. Неужели он объединился с кем-то? Они захватили город?

Я вспомнила зияющую пустоту на месте шпилей, обрушенную крепостную стену Дозора Тора. В горле появился кислый привкус. Что произошло, пока нас не было? Слова из записки пронеслись у меня в голове. *Они стучат в дверь*.

Должно быть, я замедлила шаг, и Бесшейный грубо толкнул меня вперед, его кулак врезался мне в спину. Среди гула голосов я слышала крики:

– Он был набит стрелами, ради всего святого! Никаких оправданий! Найдите его! Сегодня же!

Джейс. Они говорили о Джейсе. Это означало, что он сбежал. Первый глубокий вдох за несколько дней наполнил легкие.

Мятоголовый ворчал. Черный Зуб вздохнул. Ни тот, ни другой не горели желанием приближаться к владельцу сердитого голоса, но, похоже, именно к нему мы и направлялись. Мы повернули у центральной колонны и прошли в столовую поменьше, которая примыкала к главному залу. Че-

рез арочный проем было хорошо видно несколько человек, в том числе и того, кто кричал. Он стоял ко мне спиной, в ярости размахивая руками. Я заметила Олиз в центре комнаты, ее серебряная коса падала на плечо. Рядом с ней стояла Дайна, робкая девочка, которая помогала тете Долайз на кухне. Они собирали грязную посуду с длинного стола, который стоял в центре комнаты. Олиз тоже заметила меня. Ее голова слегка дернулась, затем выражение ее лица стало суровым, и она отвела взгляд. Что я увидела в ее глазах – страх или ненависть? Ее послание было ясным: *не разговаривай со мной*. Значило ли это, что я еще один враг среди других?

– Давай! Ты тоже! Убирайтесь отсюда! – прорычал мужчина. – Не возвращайтесь, пока...

– Генерал Бэнкс? – Сломанный Нос кротко позвал. – Мы привели пленника, о котором вы просили.

Стоя спиной ко мне, мужчина перестал кричать. Его плечи расправились, а голова слегка дернулась вверх, будто у него затекла шея или он пытался подавить гнев. Он оставался неподвижным, секунды шли, потом, наконец, он повернулся, выражение его лица казалось отстраненным и спокойным, что резко контрастировало с тем, каким он был несколько секунд назад. Ему не понравилось, что его застали в момент безудержного гнева. Он хотел предстать передо мной в другом образе – полным самообладания и уверенности, но блеск пота на бледном лбу выдал его. Он бросил взгляд на Сломанного Носа, словно предупреждая. *Не под-*

крадывайся ко мне. Еще одна деталь. Кто-то был новичком – либо Сломанный Нос, либо генерал Бэнкс. А может, оба.

Холодные серые глаза генерала скользили по мне, пытаюсь запугать прежде, чем он заговорит. Его верхняя губа поднялась. Он был высоким, его густые черные волосы были уложены назад. Мне показалось, что ему около тридцати, но возможно, морщины вокруг его глаз не от возраста, а от постоянного гнева.

Я ответила на его взгляд. Что-то в нем казалось знакомым. Или это его голос, тон...

– Так это ты... – Он позволил себе долгую паузу. *Это я?* – Я не так тебя представлял, – сказал он, подходя ближе. Он кивнул Черному Зубу и Бесшейному, и они схватили меня за руки. Правда? Я была голодна, слаба и еще не оправилась от ножевой раны, и, хотя мне хотелось броситься на него, я потратила всю свою энергию, просто придя сюда. Даже рах-тан – человек, и его силы ограничены. Я демонстративно посмотрела на руки, обхватившие меня, а затем повернулась к генералу, подняв брови. Трус?

– Полагаю, ты один из лакеев Пакстона, – сказала я. Он улыбнулся.

– Я здесь главный.

– И кто ты?

– Неважно, кто я. Но знаю, кто ты. Сообщница Белленджеров...

– Сообщница в чем? Ты не...

Он протянул руку и сжал мою шею. Ярость пульсировала в его пальцах. *Умирать будем завтра, Кази. В какую бы игру он ни играл, прими ее.* Ты все еще нужна Джейсу. А теперь, похоже, и другим Белленджерам.

– Слушай внимательно, – приказал он. – Если ты не скажешь мне то, что я хочу знать, тебя ждет веревка, как и других лоялистов, которых мы повесили. Понятно?

Повесили? Мои мысли метались, как газели, я пыталась понять, о чем он говорит. Он сумасшедший? Белленджеры? Он казнил Белленджеров?

– Подумал, что это привлечет твоё внимание.

Я пыталась не сглатывать. Пыталась задержать дыхание. Я встретила его взгляд.

Сосредоточься, Кази. Слегка подтолкни его. Попытайся вернуть к реальности. Я начала зачитывать протокол.

– Ты нарушаешь договоры Союза...

Он оттащил меня от стражников и прижал к стене, его хватка на моей шее усилилась.

– Где он? – шипел он. В комнате мгновенно стало тихо, и я с трудом перевела дыхание. Теперь все смотрели на нас. – Ты выкрикнула команду его лошади! Обеим лошадям! Что ты сказала?

– Беги, – выдохнула я.

Он ослабил хватку.

– Бежать куда?

– Куда угодно. Просто бежать. Спасаться. Не знаю, куда

они направились.

Это правда. И хотя видела, что он мне верит, он не был рад этой новости. Вероятно, я оставалась его последней надеждой найти Джейса. Возможно, именно поэтому они наконец вытащили меня из камеры. Но их ожидания не оправдались. Его ноздри раздувались, а глаза расширились, придавая ему безумный вид. Его пальцы снова сжались на моей шее. Если он не сможет найти Джейса, то пострадает не только моя шея. Я догадывалась, что мне удастся убить его – у меня только одна попытка, – но в результате я умру. Я была слишком слаба и окружена противниками, чтобы выбраться отсюда живой.

– Мы нашли его! – раздался голос.

Генерал ослабил хватку, и я начала тяжело дышать. Его интерес переключился на кого-то в переполненной комнате. Я узнала голос и повернулась. Пакстон и еще трое мужчин пробирались к нам. Пакстон сильно изменился. Он не был похож на обычного себя, невозмутимого и ухоженного. Его волосы были жирными и взъерошенными, а одежда помятой и грязной. Его лицо покрывал пот. Когда он протискивался через толпу солдат, которые собрались, наблюдая за происходящим, он заметил меня. Его шаги на мгновение замедлились, но он прошел мимо и бросил мешок на стол.

– По крайней мере, мы нашли то, что от него осталось. Похоже, он упал в овраг, и животные добрались до него раньше нас.

Один мужчина подтвердил слова Пакстона, сказав, что, видимо, до него добралась стая гиен.

Бэнкс отошел от меня и посмотрел на мешок, лежащий на столе.

– Это? – Он поднял мешок и перевернул его вверх дном. Распухшая, перепачканная кровью рука выпала наружу и упала на стол. Олиз охнула и отвернулась. Несколько солдат побледнели.

Я прислонилась к стене, пот выступил на ладонях.

– Нет, – сказала я. – Это не он. Это не его рука. Это не рука *патри*. – Слова снова и снова звучали в моей голове. *Это не он.*

– Правда? Почему ты так уверена? – ответил Бэнкс, его голос вдруг стал тошнотворно сладким. – Пойдем, посмотрим поближе.

Я не сдвинулась с места. Он склонил голову набок, рассматривая руку.

– Согласен, она в довольно плохом состоянии, но, думаю, этого следовало ожидать, ведь животные дрались за нее.

Он достал из кармана платок и перевернул изуродованную руку, затем улыбнулся Пакстону.

– Наконец-то. Молодцы, ребята.

Внимание Пакстона переключилось на меня, он оставался неподвижен и молчал, ни одна из обычных самоуверенных реплик не слетела с его языка, но его последнее предупреждение, сделанное несколько месяцев назад на бирже, про-

неслось у меня в голове: *«Будь осторожна, кузина. Помни: люди не всегда такие, какими кажутся»*. Пакстон охотился на своих родственников? Неужели он еще более мерзкий, чем я могла себе представить?

– Нет, – сказала я твердо. – Ты ошибаешься. И ты будешь отвечать перед *патри*. Он – власть Хеллсмауса и...

– Уже нет. – Бэнкс осторожно взял руку и потянул за один из пальцев. – Вот, для меня это лишь дешевое украшение. Можешь взять его себе. Считай своим трофеем. – Он еще раз сильно дернул раздувшийся палец и бросил что-то в меня. Предмет со звоном покатился по полу и упал к моим ногам. Что-то золотое. Я опустилась, чтобы поднять, но потом не смогла встать.

Я держала на ладони кольцо.

Золотое кольцо с печаткой. Кольцо Джейса.

«Это только начало, Кази».

«Я обещаю».

«У нас впереди целая жизнь».

Во рту появился солоноватый привкус. Я сжала зубы, прикусив щеку. Пол в комнате накренился. Я оступилась и упала на колени. *Животные добрались до него*. Свет померк. Голоса исказились, в моих ушах зазвучали неразборчивые слова. Я посмотрела на Пакстона, но мой взгляд не мог сфокусироваться. Его лицо было размыто, а потом чьи-то руки подхватили меня под мышки, поднимая и таща, но я не видела, куда мы идем. Все плыло в холодной дымке, будто я упала

глубоко в реку, без слов, без дыхания, не могла выбраться на поверхность, и не было никого, кто протянул бы руку и вытащил меня.

Грейсон пишет на стене большими буквами наши имена, всех двадцати трех человек. Смотрится значительно. Неизменно. Он пишет и наш возраст. Самому младшему всего три года.

Грейсон говорит: «Мы сильны, но вместе еще сильнее».

Каждый день, когда смотрю на наши имена, чувствую себя выше, умнее, сильнее.

– Разим, 12 лет

Глава десятая

Кази

– Прислонись ко мне. Я держу тебя. Плыви по течению.

Руки Джейса обхватывают меня, крепко держат, приподнимая каждый раз, когда погружаюсь под воду.

– Я держу тебя, Кази. Вытяни ноги вперед. Еще чуть-чуть. Ты сможешь.

– Не могу, Джейс. Не могу без тебя.

Я чувствую, как падаю, опускаюсь глубже, не волнуясь больше, не желая дышать. Легче отпустить все, сдаться. Тело онемело и стало тяжелым. Я смотрю, как пузырьки воздуха поднимаются вверх, словно сияющие нити белого жемчуга.

– Ты справишься, Кази. Плыви по течению.

– Только с тобой, Джейс, – прошептала я. – Только с тобой...

– Ты не спишь?

Жемчуг исчез, и я, выпрямившись, вскрикнула. В кресле в углу комнаты сидела краснощекая женщина. Она поднялась и взяла поднос со столика.

– Бульон, – сказала она, подойдя ко мне. – Приказ короля. Он хочет, чтобы ты поела и набралась сил.

Я оглядела красиво обставленную комнату. Где я? Это

сон? Я оценила женщину и обстановку. Женщина безоружна, охраны не видно, но желание бежать пропало. Я потрогала языком внутреннюю сторону распухшей щеки. Это не сон. Имеет ли это значение? Куда бежать? К кому? В еще один кошмар?

Я осознала ее слова.

– *Король?* Король здесь?

– Он сам все объяснит. Я дам ему знать, что ты проснулась. – Она поставила поднос на кровать рядом со мной и ушла.

Попыталась нащупать в кармане солдатский нож и гвозди, которые вытащила из дивана. Они исчезли. Неужели она их забрала? Я сидела на кровати с балдахином, среди роскошного постельного белья. Это комната гостиницы? Я устала на блестящую миску с бульоном. Вместо чувства голода к горлу подступила желчь. Я перелезла через кровать, но при первом шаге мои ноги подкосились, и я упала на пол. Кольцо Джейса выпало из ладони, в ушах раздался звон золота. Резкий звук, как нож, проникающий под кожу. «*Глубже, –* подумала я, *– глубже*». Хотела умереть. Хотела погрузиться в пол и исчезнуть, но мои жизненные правила толкали меня двигаться дальше.

Завтра, Кази, умирать будем завтра.

– Нет, – я задыхалась, – не в этот раз.

Боль заполнила мою грудь, и я резко вдохнула, пытаюсь сдержать ее. *Не надо, Кази. Не надо. Он не умер.* Если бы

зарыдала, это стало бы признанием, что его на самом деле нет. Но грудь разрывалась, я сдавленно хрипела и, казалось, умирала. Я рискнула и проиграла. Все, что позволила себе полюбить за последние месяцы, рассыпалось, исчезло. Завтрашнего дня не будет, ничто больше не имело значение. Я пуста и никогда не почувствую себя снова живой.

«Загадай желание, Кази, одно из них обязательно сбудется».

Мое желание уже исполнилось, но ревнивые боги отобрали у меня Джейса, как отобрали маму. Больше ни желаний, ни звезд, ничего. Я лежала, глядя на кольцо, пол был ледяным, но я боялась встать. Не могла сделать это. Заставить себя жить дальше.

Кольцо сверкало на полу, отражая свет, который еще оставался в мире, – блеск глаз Джейса, сияние его волос на солнце. Кольцо, которое было не просто кольцом. Генерал назвал его дешевым украшением, но он ошибся. Это золото, принадлежавшее многим *патри*. Ценность кольца заключалась не в поцарапанном металле, а в его истории и чести, которая оказывалась его владельцу. В обещании. *«Я дал кровную клятву оберегать их, Кази. А клятва патри – это клятва его семьи».*

Я заставила себя подняться на ноги и взяла кольцо. Моя рука дрожала, когда надевала его на палец.

– Ты тоже дал мне клятву, Джейс. Ты обещал, что у нас впереди... – Мой голос сорвался. Я поклялась, что буду обе-

регать его. Но провалилась.

Дверь открылась, и вошел король. Как и говорила та женщина. Король Монтегю, бездарный король Эйсландии, который не отличил бы Хеллсмаус от собственной задницы. Но сегодня ему, очевидно, удалось его найти.

Он пристально смотрел на меня, его взгляд был темным и глубоким, задумчивым, в его шагах чувствовалась нерешительность. Глумливая ухмылка исчезла с его лица, он не был тем хитрым королем, которого встретила на бирже. Его плечи поникли. Он выглядел очень усталым.

– Не так я надеялся снова встретиться с вами, – сказал он. – Мне искренне жаль. Знаю, что вы прошли через ужасное испытание. Боюсь, генерал Бэнкс может быть грубым и резким, особенно после всего, через что мы прошли. Я поговорил с ним. Прошу прощения за такое обращение с вами, но теперь очень тяжелые времена.

В моей голове стоял туман, я пыталась осознать услышанное. Покрутила большое кольцо на пальце. Тяжелые времена? Наконец посмотрела на короля:

– Почему тяжелые времена? – спросила я. – Что случилось? Почему Бэнкс вешает людей? Кого он вешает?

Почему вы убили патри? Но этот вопрос не смогла задать вслух. Невозможно было думать об этом.

Король взглянул на нетронутый бульон, который мне принесли, и вздохнул.

– Вы получите ответы. Но сначала нужно поесть.

– Не могу...

– Пожалуйста. – Он подошел и взял меня за руку, мягко подталкивая вперед. – Мне нужно многое сказать, но вам потребуются силы, чтобы это выслушать. Поешьте – и станет легче. Обещаю. Знаю, что вы были ранены. Я вызвал целительницу, чтобы она осмотрела вас. – Он подвел меня к креслу и столу, а затем принес поднос с бульоном, как слуга.

Он сидел на табурете напротив, с тревогой смотря на меня и ожидая, когда я подниму ложку.

Потребуются силы, чтобы это выслушать?

Мне не нужны силы. Я не знала, чего хочу. Раньше понимала. Я мечтала о том же, что и Джейс. Доме. Семье. Ответах на свои вопросы. Имело ли это значение? Вернут ли ответы Джейса? Думала, что хочу определенности, что это освободит меня, но теперь определенность была якорем, который тянул на дно. Я устала на бульон, потерянная, одинокая. Девушка, которая снова бродит по улицам, слабая и не знающая, к кому обратиться.

– Пожалуйста, – повторил король.

«Плыви по течению, Кази. Не опускай голову».

Я подняла ложку и начала есть.

Миска почти опустела, и я была готова выслушать объяснения, которые король мне обещал, когда раздался стук в дверь. Король поднялся.

– Простите. Это, наверное, целительница. Оставлю вас наедине. Уверен, понадобится, чтобы вы разделись.

– Но вы сказали...

– Я вернусь. Как только она закончит.

Если кто-то и был противоположностью генерала Бэнкса, так это король. Он мало говорил, а его движения были тихими, порывистыми. Извиняющимся. Что-то отрезвило его после нашей первой встречи? *Теперь тяжелые времена.* Понимал ли он, что происходит? Тиран получил власть, вешал людей. Неужели это еще один случай, когда король не замечает, кем он правит?

Когда он ушел, вошла целительница, женщина, которую никогда раньше не встречала в Хеллсмаусе. Я ожидала, а может, надеялась увидеть Рею, целительницу, которая вылечила меня, когда меня покусали собаки.

Эта женщина была маленькой и угловатой, в руках она держала кожаную сумку. Я поняла, что у нее могут возникнуть подозрения, когда она увидит, как хорошо заживает моя рана... если только это не она передавала мне лекарство? Целительница. Конечно. Кто еще может знать о мазях для лечения кровоточащей раны?

– Спасибо, – произнесла я, надеясь добиться от нее признания.

– За что?

– За то, что пришли. За то, что лечили меня.

Она посмотрела на меня сверху вниз, плотно сжав губы, и отрывисто ответила:

– Приказ короля. – Она порылась в своих вещах, недо-

вольню шипя сквозь зубы.

Ей не нравилась я? Или король? А может, все дело в положении дел за пределами гостиницы? Как далеко распространилось это безумие?

– Кого повесили? – спросила я.

– Предателей, – ответила она. – А теперь покажи мне свою рану. У меня есть и другие обязанности, помимо помощи подобным тебе.

Подобным мне? Она смотрела на меня так, словно я таракан, перебегающий ей дорогу, а она – королева. У меня что-то написано на лице? Уличный мусор? Паразит? Или ей просто не нравились венданцы? Эти загадочные варвары, которые носили на поясе связки костей? Я привыкла к оскорблениям, и некоторые звучали от моих соотечественников, которые смотрели на меня свысока. Когда ты находишься на самой низкой ступени общества, то служишь утешительным напоминанием тем, кто чуть выше тебя, что жизнь всегда может быть хуже и что они не такие, как ты. Движения целительницы были резкими. Она здесь явно не по своей воле, и уж точно она не моя благодетельница.

Я приподняла рубашку, и женщина бегло осмотрела рану, прежде чем нанести жгучую настойку и наложить повязку. Ее руки грубо касались раны, но я скрыла дрожь, сжав челюсти. Женщина что-то нацарапала на листке бумаги, затем нахмурилась, будто вспоминая.

– Я бы не хотела возвращаться. Ты умеешь читать?

Мои плечи опустились.

– Боюсь, что только на трех языках, – ответила я. – Свободно то есть. Всего на пяти. – С небольшой натяжкой это было правдой. – *Каз энэ, битч?* – добавила я.

Она на мгновение вскинула брови, не понимая меня, но я была уверена, что тревожное узнавание по крайней мере одного слова привело ее в замешательство. Она положила листок бумаги на стол вместе с флаконом настойки и ушла. Я смотрела, как она выходит за дверь, не подозревая, что ее сумка с лекарствами стала на один маленький предмет легче.

Когда дверь захлопнулась, я посмотрела на скальпель в руке, не понимая, зачем взяла его из сумки. Инстинкт? На улицах Венды я никогда не проходила мимо легкой добычи. Все могло помочь мне прожить еще один день. Даже если вещь была мне не нужна, я могла продать ее позже. Я не смогу обменять этот скальпель, и тысячи перерезанных глоток не вернут мне Джейса.

Боль грызла меня, как животное, пытающееся вырваться на свободу. Я вспомнила последние безумные секунды с Джейсом, но это были лишь отрывочные воспоминания, которые не могла собрать воедино. Мои последние слова, обращенные к нему? *Остановись? Беги?* Минуты, пронизанные страхом и гневом. *Верни все назад, Кази. Пусть все будет по-другому.* Еще один шанс. Но момент был упущен. Кто-то украл последние слова, которые я хотела, чтобы Джейс услышал от меня. *Я люблю тебя. Я всегда буду лю-*

бить тебя. Пыталась спасти его. Боролась изо всех сил, но этого оказалось недостаточно.

Я повертела скальпель в руке. Он сверкал, острый и смертоносный. Он, должно быть, резал плоть почти незаметно. Я уколола кончик пальца, и на коже расцвела ярко-красная бусинка.

«Кровная клятва. А клятва патри – это клятва его семьи».

Бусинка стала больше, как сверкающий красный рубин, и я поднесла палец к губам, растирая по ним теплую кровь, пробуя ее языком. Соленый вкус, вековые клятвы, обещания. И Джейс.

«Теперь ты моя семья, Кази».

Я смахнула кровь со скальпеля и засунула его под подушку кресла. Это оружие у меня не отнимут.

Кровная клятва *патри* была моей клятвой. Защищать любой ценой. И мне больше нечего было терять.

Глава одиннадцатая

Кази

Вместо того чтобы вернуться и поговорить со мной, как он обещал, король приказал привести меня к нему. Но прежде мне дали комплект сменной одежды, который включал, к моему удивлению, кожаный жилет, высокие сапоги и оружейный пояс – хотя и без оружия. Я снова выглядела почти как солдат. Мои охранники были безоружны. Король относился к моим талантам с меньшей настороженностью, чем Бэнкс и его головорезы. Пока шла по коридору, голова кружилась. Причиной был не голод, а воспоминания и слова, которые не могла забыть. Зажмурилась, пытаясь заставить ужасные образы исчезнуть.

«Животные добрались до него».

Я заставила себя сосредоточиться на одной точке впереди. Эта точка – все, что имело значение. Она не давала миру обрушиться.

Стражник остановился у двери, и меня провели в столовую короля, защищенную от яркого дневного света шторами. Высокие свечи горели в золотых подсвечниках на столе, накрытом на двоих.

Король повернулся, когда я вошла в комнату, его рука была прижата к груди, и я подумала, есть ли в его жилете кар-

ман, в котором хранятся сокровища, или у него просто болит что-то? *Теперь тяжелые времена.* Он был ранен? Его взгляд скользнул по мне, и он улыбнулся.

– Я вижу, на этот раз они принесли вам нормальную одежду. Отлично. Вы заслуживаете выглядеть как лучший солдат, которым вы и являетесь.

– Вы о солдате, которого ударили ножом, морили голодом и держали в темной камере столько дней?

Он помрачнел.

– Справедливо, но позвольте мне объяснить. – Он выдвинул стул, чтобы я села.

Я покачала головой, отказываясь от его предложения.

– Произошла ошибка, – сказал он. – Они не знали, кто вы.

– Я каждый день кричала об этом через дверь.

Он посмотрел вниз и вздохнул, будто был расстроен.

– Боюсь, заключенные много чего кричат.

– Почему появились заключенные? Почему *вы* здесь?

Он подошел ко мне, он казался выше, чем я помнила.

– Не хочу проявить неуважение, – сказал он, – но, если вы не возражаете, хотел бы задать один вопрос. Почему *вы* здесь? На бирже вы ударили *патри* в челюсть, а вскоре после этого захватили его, угрожая ножом, и доставили в Венду, где он должен был предстать перед судом за укрывательство беглецов.

– Угрожая ножом? Откуда вам известно, чем все закончилось?

– Олиз, служанка, которая была там, рассказала генералу Бэнксу о стычке.

Была ли Олиз там той ночью? Я не помнила, чтобы видела ее, но она могла держаться в тени. Это объяснило бы ее суровый взгляд, брошенный на меня.

Я изучала короля. Он был загадкой. Другим. Все тот же высокий широкоплечий мужчина, которого я встретила на бирже, но теперь более ухоженный, и в нем чувствовалось нечто такое, чего раньше не замечала. И дело не в его одежде или в том, как он себя держал, – изменилось его поведение. Человек передо мной был задумчив, его слова звучали спокойно и ровно. Куда делся тот невежественный шут, который пожимал плечами, ухмылялся и постукивал пальцами, как ребенок? Неужели из-за тяжелых времен тот король исчез?

– Я здесь потому, что получила приказ от королевы Венды сопровождать *патри* обратно домой, – ответила я, все еще не зная, насколько безопасно делиться правдой. – Она сказала, что я превысила свои полномочия, арестовав его. Нет никаких доказательств, что он знал, кем являлись беглецы, которых он укрывал. На некоторых из них даже не было ордеров.

– Значит, все это время вы находились здесь только из-за охоты на беглецов? И не нарушали договора? – Я кивнула.

На его щеке появились красные пятна.

– И вы не догадались сказать мне? – Его глаза казались твердой сталью, а слова звучали жестко. – Я *король* все-таки. Но, возможно, вы видели во мне лишь простого крестья-

нина, покупающего альпака. — Он отвел взгляд, и глубокий вдох наполнил его грудь, словно он пытался скрыть обиду, которую услышала в его тоне. Но, значит, он понимал. Он не был совсем уж беспечным. Знал, как другие относятся к нему и его правлению.

— Пожалуйста, — сказал он, возвращаясь к стулу. Он отодвинул его еще дальше. — Я подумал, что вам стоит поесть более основательно. Вам нужно наверстать упущенное.

Я посмотрела на стул, потом на него. Вспомнила о роскошной ванне и прекрасном белье и не двинулась с места.

— Почему чувствую себя гусем, которого откармливают для праздничного ужина?

Он вздохнул.

— Вы не задумывались, что, возможно, я пытаюсь исправить нарушение установленных *мною* правил? Вопиющее нарушение протокола? Я был занят другими делами и не поинтересовался, кого взяли в плен и как обращались с пленником.

Неужели он только что пытался жонглировать и при этом уронил несколько мячей? Я знала от Джейса, что Монтегю стал королем неожиданно несколько лет назад, когда лошадь затоптала его отца. Он лишь немного старше Джейса, которому было...

Мое сердце гневно сжалось. Я все еще ожидала, что Джейс войдет в дверь. Не могла перестать думать о нем как о живом, энергичном, заботящемся, что нужно сделать, разведы-

вающем границы, разрабатывающем новые правила торговли, пытающемся объяснить своей семье, кто я. Я почувствовала, как меня снова затягивает течением, все во мне дрожало, я пыталась отдышаться. Подняла руку и нащупала на пальце его кольцо.

«Не сопротивляйся, Кази, откинись назад, вытяни ноги».

Его голос, такой отчетливый в моей голове. Так близко. Так решительно.

Король смотрел на меня. С любопытством. И, как ни странно, с большим терпением.

Я подошла к стулу и села, но мне показалось, что рухнула в него. Каждое слово, каждое усилие истощали меня. Джейс не войдет в эту дверь. *Он жив, Кази. Он должен быть жив.* Моя голова болела от шума битвы, происходящей внутри. Я уже пережила однажды подобное. Я не смогу сделать это снова. Имело ли вообще значение то, что скажет король?

Подними голову. Вдох.

Джейс снова тянул меня вверх.

– Объясните, – сказала я.

– Пожалуйста, позвольте мне сначала поухаживать за вами. – Он поднял серебряную крышку с блюда и выложил на мою тарелку несколько идеальных жареных картофелин, изысканно посыпанных зеленью, а рядом с ними положил три вареных перепелиных яйца. Он полил все это дымящимся золотистым соусом, отчего блюдо стало выглядеть скорее как произведение искусства, чем как что-то съедобное.

Мне захотелось рассмеяться. Такой яркий контраст с мрачной действительностью.

Вернув серебряную крышку на блюдо, он замешкался, заметив мою руку на подлокотнике стула.

– Вы носите перстень?

– Ваш генерал снял его с... – Я моргнула, борясь со жжением в глазах. – Он отдал его мне. Назвал трофеем.

Монтегю насупил брови и покачал головой.

– Ему не следовало так поступать. Я могу избавиться от перстня, если хотите?

Я посмотрела на кольцо. Избавиться от него? *«Для меня это всего лишь дешевое украшение»*. Король или его генерал представляли, какую историю оно хранит? *«Оно принадлежит моей семье уже несколько поколений. Если его однажды надевали, то никогда уже не снимали»*. Я покрутила кольцо на пальце.

– Вы в порядке? – Король внимательно смотрел на меня, ожидая ответа.

– Я оставлю его.

Монтегю сел напротив и рассказал, что почти два месяца назад Хеллсмаус оказался в осаде злодеев, которые грабили, жгли дома и охотились на жителей. Сам король был в Парсусе, и к тому времени, когда до него дошли новости, в городе царил хаос. Лига, управляемая Райбартом, вела войну, пытаясь получить контроль над Хеллсмаусом и биржей. Царила паника. Многие погибли. Хуже того, Белленджеры не делали

ничего, чтобы помочь горожанам, требуя большие деньги за защиту.

Невозможно. Джейс никогда бы так не поступил – но Ганнер? Я знала, что он импульсивный и вспыльчивый. Это он настаивал, чтобы я отправила письмо королеве. Никогда не забуду, как низко он себя повел, когда предложил мне Зейна в обмен на письмо. Но мог ли он нарушить клятву Белленджеров защищать город, держа горожан в заложниках ради денег? Конечно, остальные члены семьи не позволили бы ему этого сделать.

– Похоже, они хотели найти способ профинансировать свои последние незаконные начинания, – продолжил король. – Как вам известно, они некоторое время укрывали беглецов, но делалось это с конкретной целью. Они создавали оружие. У них уже имелся неплохой арсенал.

– Но это невозможно. Нет никакого оружия. Бофорт сказал...

– Оно у них было. В прекрасном состоянии. К счастью, один из передовых отрядов генерала Бэнкса обнаружил запасы на складе Белленджеров и захватил их. Во время битвы был нанесен ущерб городу, но мы применили оружие, чтобы уничтожить Райбарта и его бандитов. И сейчас именно это оружие использует армия для защиты города.

Но я знала правду. Я слышала, как Кардос жаловался, что Джейс забрал единственный работающий образец. А потом мы арестовали всех, и они так и не успели создать арсенал.

Оружия не было, кроме того экземпляра, который Сарва создал, а Джейс забрал. Кто сделал остальное? Неужели все время это была лига Райбарта, работавшая с Бофортом, чтобы запугать горожан и настроить их против Белленджеров? А теперь целая армия... Безумие.

– Но у вас не было солдат, – сказала я. – Как можно...

– Теперь есть. Мне пришлось нанять их. Мои советники порекомендовали, и...

– *Наемники*? По Хеллсмаусу бродят наемники?

– Меня заверили, что это профессиональные бойцы, и по правде сказать, у меня не оставалось выбора. Вы должны понять, здесь шла война. Как уже говорил, город уничтожали. Граждане умирали. Я должен был что-то сделать. Это обошлось мне в целое состояние, но Пакстон уверяет, что прибыль от биржи поможет окупить часть расходов. Если нет, то в следующем сезоне у меня не окажется полей для посева.

Я не могла в это поверить.

– Вы теперь контролируете и биржу?

– Кто-то должен был это делать. Слишком много жителей получают доход от нее. Если бирже придет конец, то и городу тоже.

– А Белленджеры? Где они? – спросила я. – Они те заключенные, о которых вы говорили?

Он покачал головой.

– Как только они узнали, что их план раскрыт, вся семья

укрылась в хранилище в горе, чтобы избежать ареста. Они не собираются выходить, и до них невозможно добраться, не взорвав проход, а это может обрушить всю гору. Мы не знаем, кто именно там находится, и мне не хочется, чтобы погибли невинные.

– Вы не сможете взорвать гору.

– Оружие, которое мы конфисковали, пугающе мощное. Часть его переносная, несколько экземпляров напоминают баллисты. Они не похожи ни на что, что мы когда-либо видели. Мы не знаем, как Белленджеры планировали их использовать. Боюсь только, что некоторые документы пропали. И Белленджеры, возможно, надеются создать новый арсенал. Поэтому мы должны найти эти бумаги.

– Я сожгла все чертежи.

Он отложил вилку и приподнял голову.

– Так это вы сделали? Я видел сгоревшую мастерскую.

– Откуда вы знаете, что это мастерская? Олиз сказала вам об этом тоже?

– Нет, другой слуга. Несколько человек из персонала остались, когда Белленджеры бежали. Мы дали им работу, чтобы помочь вернуться к нормальной жизни. Это то, что мы пытаемся сделать – восстановить нормальную жизнь. Сейчас мы в основном держим ситуацию под контролем. – Он вздохнул и сделал глоток вина. Он добавил немного в мой нетронутый бокал, наполнив его до краев. – Проблема в том, что у Белленджеров есть верные сторонники, – объяснил он, – и

эти несколько лоялистов продолжают создавать неприятности, что усложняет нашу работу по установлению порядка. Торговля почти остановилась. У горожан истощаются средства к существованию. Некоторые боятся заниматься своими обычными делами. Я не могу их винить. Эти буйные лоялисты держат в заложниках весь город. Я понимаю их преданность. Это все, что они когда-либо знали, но Белленджеры сами вынесли себе приговор. Их правление закончилось, а я предан Хеллсмаусу и собираюсь поднять его с колен. Люди ждут мира. И завершения этого хаоса, чтобы жить дальше.

Он переложил картофелину на свою тарелку, изучая ее так, словно в ней крылось решение всех его проблем.

– Я могу сказать прямо. Мне нужна ваша помощь. Мне стыдно, что не сказал об этом сразу. – Его взгляд метнулся ко мне, свет свечей отражался в зрачках. Что-то заставляло его выглядеть моложе, мальчиком-королем, который волновался о своем народе.

– Все это для меня ново, – наконец признался он. – Я хочу шагнуть вперед и сделать то, что должен был все это время. Быть лидером, в котором всегда нуждались мои подданные, даже те, которые живут так далеко, в Хеллсмаусе. Возможно, если бы сделал это раньше, ничего бы не случилось.

Его темные глаза не отрывались от меня, изучая мое лицо, словно у меня был заветный ключик к решению всех проблем.

– Чего вы хотите от меня?

Он не стал увиливать.

– Скажите городу, что последний *патри* мертв. Но сообщите людям, что Джейс Белленджер был признан виновным в преступлениях против Союза Королевств и казнен в Венде по приказу королевы. Правосудие свершилось.

Глава двенадцатая

Кази

Я пристально смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Сказать, что Джейс был казнен в Венде? Серьезно? Король продолжал смотреть мне в глаза. Прошли долгие секунды, пока пыталась понять, почему он хотел, чтобы я произнесла эту злую ложь.

– Но мы оба знаем, что это не так, – наконец ответила я.

– Неужели правда звучит лучше? Разорванный на части животными? Рассказать городу, что он стал добычей падальщиков в своей доблестной попытке вернуться домой? Я не хочу делать из него мученика в духе первого Белленджера – мифического человека, который погиб, спасая человечество. Это только подтолкнет лоялистов и Белленджеров к еще более жестокому восстанию. Бессмысленная война может продолжаться вечно. Неужели это действительно кому-то нужно? Для блага города лучше, чтобы эта глава в его истории была закрыта навсегда. Люди должны увидеть в *патри* осужденного преступника, которого Союз приговорил к высшей мере наказания. И будет лучше, если они услышат это от стражника королевы, который был свидетелем казни. Тогда с Белленджерами будет покончено. Это ложь во благо, и она поможет городу двигаться вперед в новую эру.

Я прошу помочь только ради людей. Они столько пережили, и провидица предсказала, что наступит горькое время. Мы не хотим, чтобы нас ждала голодная зима. Люди нуждаются в мире. – Он протянул руку и сжал мою ладонь. – Вы можете нам?

Я посмотрела на его руку, сжимавшую мою. Большая, теплая, нежная. Я медленно высвободила ладонь.

– В мире, – повторила я, чтобы успокоить бурю, пронесущуюся в моей голове.

Он кивнул.

– Мне интересно... как вы узнали, что *патри* возвращается?

– Он отправил записку.

– Записку, которую вы перехватили?

– Человек из бюро отправлений, который служил у Белленджеров, передал ее нам. Он тоже хотел, чтобы кровопролитие закончилось.

– И тогда вы приказали устроить засаду.

– Последнее, что нам было нужно, чтобы он спровоцировал волнение в городе. Или чтобы торговля снова остановилась. Слишком многие уже пострадали. Мы не знали, что вы будете с ним. – Он не отрицал, только оправдывался. Он убил Джейса.

Я встала и прошлась по комнате, чувствуя, как дрожат колени и как слабеет дыхание. Рана в животе снова заколола, напоминая, что я слаба. Что превратилась в тень за эти дни.

Король прав. Еда. Мне нужна еда. Сила.

Я почувствовала, как руки Джейса обхватили меня, обнимая, чтобы я держала голову над водой.

«Спокойно».

«Я держу тебя. Я обещаю».

Я повернулась к королю. Улыбнулась, чтобы успокоить его.

Жонглировала мысленно словами, а затем складывала их в аккуратную стопку. Именно это умела делать, именно это стало моей второй натурой, в то время как мир вокруг рушился.

Я должна контролировать себя.

– Понимаю вас, – сказала я. – Городу действительно надо двигаться вперед. В новую эру.

Я подошла к столу, тарелка короля была пустой, а моя все еще полной. Я надрезала ножом перепелиное яйцо и съела его, затем разрешила одну из крошечных картофелин. Проглотила ее и запила большим глотком вина, осушив половину бокала. Часть вина попала мне на подбородок, и я вытерла его тыльной стороной ладони. Тепло и безрассудство устремились в кончики пальцев рук и ног.

– Но одно меня удивляет, ваше величество. Вы – азартный игрок? Не ожидала.

– Нет, – неуверенно ответил он, – я не любитель азартных игр.

– Я убила трех ваших солдат, и все же вы рискнули, по-

лагая, что не убью вас, как только вы переступите порог моей комнаты. — Я оглядела пустую столовую, все еще держа вилку в руке. — А здесь? Никакого оружия? Никакой стражи, хотя вы только что признались в убийстве *патри* Хеллсмауса, истинного правителя, возвращение которого домой доверила мне королева. Да, вы азартный игрок, возможно, безрассудный. — Я облокотилась на стол. — А может, вы просто очень *глупый*.

Он вздернул подбородок. Наклонился.

Король-хитрец. А, вот и он. Вернулся. Выскользнул из тени. Его нужно было только слегка подтолкнуть.

Мой взгляд прожигал его.

— Вы всего лишь авантюрист, который ввязался в опасное дело ради собственной выгоды и нанял таких волков, как Пакстон и Трюко, чтобы они помогли вам добиться своих целей. Вас заботит только богатство, которое вы получаете вместе с биржей. Думаете, можете сказать мне, что несете ответственность за нападение на *патри*, а я после этого выполняю вашу просьбу?

Он оттолкнулся от подлокотников стула и медленно встал, теперь передо мной был король-хитрец, который контролировал ситуацию. Мягкость, забота — все исчезло. Он стоял передо мной, сняв маску. Его скулы заострились, цвет глаз стал темнее и насыщеннее.

— Я хотел испытать вас. Ваши метания между поцелуями и ненавистью, а потом арест *патри* оставили у меня сомнения,

на чьей вы стороне. Являетесь ли венданским солдатом или предателем Союза, находящимся в сговоре с Белленджерамми? Думаю, теперь у меня есть ответ.

Он шагнул ко мне, и я подняла вилку выше, предупреждая.

В его глазах появилась злорадная ухмылка.

– Думаете, убьете меня вилкой?

– Вы удивитесь, если узнаете, в какие места могу засунуть простую маленькую вилку. Не скажу, что ваша смерть наступит быстро. Напротив, она будет уродливой и медленной – как если бы вас разорвали на части животные.

Я сглотнула, последние слова застряли у меня в горле.

– Я не отдавал такого приказа, – сказал он. – Это судьба, уготованная ему богами. – Монтегю сделал еще шаг ко мне. – Опустите вилку. Вы знаете, что я сильнее и могу легко одолеть вас.

– И все же мы здесь, – ответила я. – Это я держу вилку и вижу, как на вашей шее вздуваются вены. Ваш пульс учащен. Сила проявляется по-разному, ваше величество. Может, вам стоит познакомиться с ней поближе, а не заикливаться на бицепсах.

Дверь в столовую распахнулась, и люди короля ворвались внутрь.

– Следовало догадаться, – сказала я. – Подслушиваете?

Они остановились, когда увидели вилку в моей руке. А затем начали окружать меня.

– Только не за мою спину, – предупредила я. – Оставайтесь там, где я могу вас видеть, – если не хотите, чтобы я воткнула эту вилку в горло короля. – Я была ближе к нему, чем они ко мне, и они помнили, насколько я опасна.

– Оставайтесь там, чтобы она могла вас видеть, – приказал король.

На самом деле у меня не было никакого плана. Рен бы это не понравилось. Я не думала ни о побеге, ни о шантаже. Но если мне суждено умереть, король умрет первым. В этом я уверена.

Люди короля образовали передо мной полукруг, и я внимательно рассматривала каждого из них. Бэнкс, Трюко, Мятоголовый. И Пакстон. На нем мой взгляд задержался дольше. Я сожалела лишь, что не смогу убить их всех.

– Опустите вилку, – повторил король. – Иначе вы не выйдете отсюда живой.

– Возможно, это ваш самый большой промах. Посчитать, что я не собираюсь умирать.

– Не глупи, – предупредил Пакстон, подходя ближе. – Король может предложить тебе должность, которая принесет богатство. Он очень щедр. Ты все неправильно понимаешь. Не принимай поспешных решений.

Я посмотрела на Пакстона.

– Ты худший из них, ты, никчемная куча дерьма. Ты ведь Белленджер.

– Едва ли, – ответил Пакстон. – Моя семья была изгнана

много поколений назад.

– Давайте покажем ей, – сказал Бэнкс. – Покажем, почему она должна согласиться на ваше предложение.

Я чувствовала в животе тепло от вина.

– Я не соглашусь ни на какое предложение.

Бэнкс улыбнулся.

– О, думаю, кое-что может изменить твоё мнение.

– Может, я все-таки немного азартный игрок, – сказал король, спокойно шагнув вперед, – а лучшие игроки всегда придерживают немного золота для переговоров.

Я смотрела на него, его взгляд ничего не выражал, и холод пробежал по моему позвоночнику. Была ли его неуклюжая, нелепая манера поведения лишь игрой, которую он искусно вел? *Такова жизнь короля-фермера.* Я вспомнила его нелепую растерянность и клоунскую ухмылку. Это был совсем не тот человек, который стоял передо мной сейчас. В его взгляде сквозил ум, а в походке ощущалась уверенность. Он знал, о чем я думаю, и это, казалось, придавало ему сил: король-хитрец наконец вышел на сцену.

– Идите, – сказал он. – Посмотрите в окно. Здесь в гостинице есть еще гости, которых, думаю, вы знаете. – Он кивнул Трюко.

Трюко был громадным мужчиной с непокорными волосами и нахмуренными черными бровями. Его большие глаза не мигали. Когда я рассказала Джейсу об одном из моих правил выживания – *глядеть в оба*, – он засмеялся, заявив, что

это одна из тех вещей, которые он ненавидит в Трюко, – тот никогда не моргает. Джейс не знал, что творится у него в голове. Когда я встретила застывший взгляд, в нем не было веселья. Шаги проскрипели по полу, когда Трюко подошел к окну и отодвинул шторы.

Это не блеф. Я знала еще до того, как опустила вилку и подошла к окну, что король победил. Сама Смерть все предвидела и поэтому покачала головой.

– Ступайте, – повторил король. – Посмотрите, кто там. Думаю, вы будете удивлены.

Глава тринадцатая

Джейс

Это был звук воды, проносящейся по камням. Глухой шум, словно прилив нахлынул. И снова. Звук нарастал вместе с ударами в грудь, и тогда понял, что слышу не воду. Это мое дыхание, слабое, влажное, мои попытки дышать.

Были и другие звуки, далекие, невнятные голоса, но они не имели значения.

Только камни, вода, следующий вздох.

Запишите, пока не забыли.

И каждый день мы записывали.

Но мы можем писать только о Настоящем.

Все уже закончилось, кроме ночных кошмаров.

Каждую ночь мы должны утешать младших.

Все, что они знают, – только то, что было После.

Они боятся, что все повторится, что наша новая семья будет расколота.

Вот почему мы прячемся здесь, – плачет Ниса.

Она права.

Я тоже боюсь.

Мой дедушка верил в меня.

Я стараюсь верить, как он, но иногда ночью, когда Ниса уже спит, тоже плачу.

– Грейсон Белленджер, 14 лет

Глава четырнадцатая

Кази

Окно выходило на внутренний двор. В каждом углу стояло по стражнику. Длинные мечи висели у них на боку. В центре играли двое детей, перебрасывая друг другу обруч. Олиз сидела в стороне. Она видела, что я смотрю из окна, но выражение ее лица оставалось безучастным.

Кто-то выхватил вилку у меня из рук. Пакстон, кажется. Я не сопротивлялась. Король показал победную карту. Его послание было ясным: делай, что я велел, или будут последствия. Его решение не изменить. Я чувствовала себя так, будто меня поймали и квотерлорд выносит приговор. Я не могла выпутаться из этой ситуации.

Король подошел и встал рядом. Его грудь упиралась мне в спину. Он отодвинул портьеру еще дальше.

– Они выглядят счастливыми, не так ли? На самом деле они очень полюбили меня. Я уделяю им внимание, дарю подарки. Больше, чем он когда-либо. Они довольны, поверьте.

Я с трудом воспринимала его слова, представляя лица детей, когда говорю, что Джейс – осужденный преступник, которого повесили.

– Не заставляйте меня говорить это перед ними. Не хочу, чтобы они такое слышали.

– Рано или поздно они должны узнать о своем брате, – сказал Бэнкс. – Они о нем почти забыли и спокойно примут эту новость.

– Пожалуйста, – сказала я.

Король отошел и обратился к Бэнксу, уходя:

– Объясни ей правила игры. Убедись, что она их поняла, а затем отправь в комнату.

Игра? Это не игра. Исход уже предрешен. И победитель только один.

Когда король вышел, я повернулась к Бэнксу.

– Ты не можешь этого сделать. Это противоречит всему, что Союз...

– Ничему не противоречит, – прорычал он. – Напомню тебе, что это королевство Эйсландия, а Монтегю – его законный правитель. Он не просто правит так, как считает нужным, его моральный долг – защищать своих подданных. Он выполняет свою работу и делает это хорошо. Он не прислушивается к советам вора или солдат, особенно тех, кто симпатизирует Белленджерам, которые устроили эту бойню. Мы все еще пытаемся остановить войну и восстановить порядок и должны использовать все имеющиеся в нашем распоряжении средства ради всеобщего блага.

Все средства? Он опустил взгляд на детей, затем уставился на меня, его рука сжалась в кулак, словно он хотел ударить меня. Бэнкс предупредил, чтобы я молчала, пока он все объясняет. Правила игры было легко запомнить. Они звуча-

ли почти одинаково.

1. Если из-за тебя на короле появится хотя бы маленький синяк...

2. Если ты когда-нибудь оставишь синяк на ком-либо из его служащих или солдат...

3. Если тебя застанут за пределами твоей комнаты без сопровождения...

4. Если ты когда-нибудь украдешь хотя бы заколку...

5. Если ты когда-нибудь солжешь королю... один из детей умрет, и тебе придется выбирать, кто из них.

– Понятно? – спросил он.

Я кивнула. Но я бы скорее перерезала себе горло, чем выбирала между Лидией и Нэшем.

Глава пятнадцатая

Джейс

Прилив, в нем был ритм.
Вперед. Обратно.
Темнота. Она – все, что я знал.

* * *

И тишина. Неужели я перестал дышать? Но боль все еще
жила. Боль повсюду.
Я должен остаться в живых.

* * *

Жжение. Влага. Моя кожа, мои губы – все горит.
Ад. Я, должно быть, горел в аду. И не мог найти выход.

* * *

Он приходит в себя.
Проклятые святые. Не сейчас. Успокой его.
Я попытался подняться, чтобы дотронуться до глаз, про-

верить, открыты ли они, потому что по-прежнему видел только темноту, но легкое движение обожгло меня, и в плечо словно вонзилась раскаленная кочерга. Я застонал, и чья-то рука сильно надавила на мой рот.

– Тихо! – шипел голос. – Если не хочешь умереть!

Я оставался неподвижным, не мог двигаться. Не мог потянуться вверх, чтобы оттолкнуть руку. Было слышно, как что-то скрипит над моей головой. Деревянный пол? Приглушенные голоса.

Любови между нами и Белленджерсами не было...

...выжгли нас...

Если бы они были здесь, мы бы первыми их передали...

Хорошее прощание, говорю я.

Если увидите его, немедленно сообщите об этом.

Я услышал ржание лошадей, и рука исчезла с моих губ.

Потом почувствовал, что снова падаю в темноту.

– Кто ты? – прошептал я.

– Керри.

– Керри из Фогсвелла?

– Как много людей с именем Керри ты знаешь?

Только одного. Маленький ребенок сумел удерживать меня.

* * *

Меня разбудил тяжелый запах горелого сала. Когда от-

крыл глаза, в стеклянной лампе мерцала свеча, а на стенах двигались тени. В комнате стояли бочки, а по полу был разбросан камыш. Я лежал на соломенном тюфяке. Каемус сидел рядом со мной на табурете. Тени заполняли впадины на его лице. Все это не имело смысла. Что я делал здесь? Что со мной случилось? Постепенно черный туман отступал. На нас напали. Кази и я...

Попытался подняться, но вместо этого резко вдохнул, закашлялся, и боль пронзила мою грудь.

– Погоди, вот так, – сказал Каемус, мягко прижимая меня к себе. – Ты едва выбрался из подземного мира. Не возвращайся в него.

– Где я? – прошептал.

– Погреб. Повезло, что ты его выкопал. Не знаю, где бы мы еще тебя спрятали. – Он налил воды из кувшина в чашку. – Вот, – сказал он, поднося воду к моим губам. Я с трудом пил. Даже язык болел, сухой и соленый. Мои губы потрескались, и я дрожал от усилия, когда поднимал голову, даже с помощью Каемуса.

Он отставил чашку в сторону.

– На сегодня достаточно. Мы не думали, что ты вообще выживешь. Ты уже несколько дней не приходил в себя.

Я ничего не помнил.

– Где Кази? Почему ее здесь нет? – А потом туман откатился немного дальше. *Баричэ*. Я сказал ей бежать, но вместо этого она спрыгнула с лошади и сражалась, защищая ме-

ня от нападавших, а потом приказала лошадям бежать. Она убила одного, другого, а затем кулак – кулак ударил ее в живот, – но я не мог пошевелиться. Не мог добраться до нее. Не мог ничего сделать. Никогда не чувствовал себя таким беспомощным. *Баричэ*. Тайгон побежал в лес. Сверкал металл, раздавались голоса, мир исчезал. Все, что мог вспомнить, – удар о землю, шаги, кто-то поднимает меня.

– Он привез только тебя.

– Он? Кто-то привез меня сюда? Кто именно?

– Не знаю. Было темно, середина ночи. Он не назвал своего имени, и было трудно разглядеть его лицо. Думаю, он этого и добивался. Он сказал заботиться о тебе – делать все возможное, но не звать целителя. Сказал, что они следят за всеми целителями, преследуют их. Он пытался дать мне монету, но я не взял ее. Перед тем, как уйти, он стащил с твоего пальца кольцо. Сказал, что оно ему нужно, и я не стал спорить, ведь он пытался спасти твою жизнь.

Они.

Они преследуют целителей.

– Кто *они*?

– Не знаю. Мы не возвращались после пожаров. Обходимся тем, что у нас здесь есть. В городе слишком опасно.

Он рассказал мне все дважды. Может, даже три раза. Я все еще плавал в тумане, пытаюсь уловить подробности. Глотал воду. Кашлял. Чувствовал себя так, словно попал в подземный мир, который не хотел меня отпускать.

Каемус сказал, что около двух месяцев назад случился сильный пожар. Сгорела северная конюшня. Все лошади внутри погибли. На следующую ночь был еще один пожар, а затем налет на караван. Затем последовали другие беды, но он и остальные поселенцы держались подальше, боясь, что на них могут напасть по дороге в Дозор Тора, не говоря уже о том, что с тех пор, как пять венданских солдат увезли *патри*, венданцев не очень жаловали в городе. За исключением короткой поездки за лекарствами, они больше не возвращались туда. Каемус держался в тени, не желая быть замеченным, но из того немногого, что он узнал из разговоров в аптеке, следовало, что Белленджеры прикладывали все усилия, пытаясь остановить тех, кто устроил беспорядки, пока армия не вошла и не захватила все.

– Армия? – спросил я. Чем больше узнавал, тем сложнее мне было поверить, что это правда. – Какая армия?

– Не знаю, но слышал, что она большая. Мельком видел нескольких солдат, когда ехал сюда.

Откуда взялась армия? Из соседнего королевства? Или лиги объединили силы? Я подумал о банде Фертига и замечании Кази, что они хорошо обучены.

– А Дозор Тора? – Я уже знал ответ. Видел разрушенные шпили, стены. Но все еще не мог понять как. Наша оборона была непробиваемой. Наши стены, стража, смотровые пункты и крутой подъем, ведущий к Дозору Тора, – армия с дюжиной баллист не смогла бы пробить стены. Наши лучники

уничтожили бы ее еще до того, как она оказалась на подступах к городу. — Как они разрушили стену?

Каемус сказал, что не знает наверняка, но у пришедших было оружие, подобного которому он никогда не видел.

— Говорят, что весь неф храма исчез, и это один выстрел разрушил его. Жена аптекаря считает, что они сделали это, чтобы показать свою силу. Сработало. Теперь никто не бросает им вызов.

Это не армия, пришедшая спасать город. Это вторжение. Пакстон, Райбарт и Трюко. Так и есть. Они объединили силы.

Я боялся спросить, но еще больше боялся не спросить.

— Как выглядело оружие?

— Вот что самое странное, — сказал он. — Оно не было таким уж большим. Солдаты несли его на плечах. — Он подробно описал его. Оно напоминало пусковые установки, которые Бофорт разрабатывал для нас, — те, которые мы так и не получили.

— А как же Кази? Ты знаешь, где она? Она у них?

Он покачал головой.

— Не знаю. Человек, который привез тебя, не сказал, и, как уже упоминал, мы не возвращались в город.

Но я знал. Она у них. Их пленница. Только поэтому Кази не здесь, рядом со мной. Разве что...

Я помнил, как они проносились над нами, черные тени, движущиеся по темному склону холма.

– Мне нужно... – Я оперся на локоть, пытаюсь сесть, а потом упал, не в силах дышать. Каемус выругался, сказав, что сейчас откроются раны, которые Юрга зашила.

– Ты никуда не пойдешь. Даже если она в городе, ты ей ничем не поможешь в таком состоянии. Да и сотни таких, как ты, не смогли бы.

– Но моя семья. Они...

– Тоже не помогут. Они все прячутся в горе. Мне об этом известно.

Хранилище. Значит, все очень плохо.

– Я должен добраться до них. Они знают, с чем мы столкнулись. Помогут мне найти... – Но тут почувствовал, что черный туман снова накатывает, и веки закрылись против воли. Я боялся, что больше не смогу их открыть, боялся, что на этот раз подземный мир затянет меня и не отпустит.

Подвал, затхлый воздух, боль – все ускользало.

Глава шестнадцатая

Кази

Меня вернули в мою комнату и оставили в одиночестве на два дня. Сказали, что вызовут, когда я буду нужна. Дверь не была заперта. Словно меня испытывали. Но никто не беспокоился, что я уйду. Я открыла дверь и выглянула наружу, но не осмелилась шагнуть через порог. Еду приносили в изобилии. Давали одежду. Больше лекарств. Но никто не приходил, чтобы поговорить со мной или объяснить новые правила. Ожидание, сомнения и невозможность что-то сделать довели меня почти до безумия. *Пусть меня позовут, ради всего святого!*

Я провела часы, задавая себе тысячи вопросов. Кого повесили? Сколько человек погибло? Как мог появиться целый склад оружия? Действительно ли Ганнер несет ответственность за эту бойню? Требовал ли он с горожан деньги, в то же время позволяя Райбарту грабить город?

Но клятва *патри* была и клятвой его семьи, и как бы ни ненавидела Ганнера, не могла поверить, что он так поступит. Хотя он и был импульсивным. Это он солгал, объявив горожанам, что королева приедет.

С другой стороны, как бы он ни ненавидел ту идею, он помог восстановить поселение. Обещание Джейса стало и его

обещанием. И, конечно, Вайрлин никогда бы не позволила...

В моей голове словно билось облако саранчи, детали разлетались в безумном беспорядке. Я не могла разобраться в ситуации. Пыталась найти решение, но одна мысль разбивалась о другую. В конце концов, я могла думать только об одном – я должна вырвать Лидию и Нэша из цепких рук захватчиков. Это самое важное. Но мои умения как вора и солдата оказались бесполезны. Украсть тигра или даже Бофорта – это одно, а украсть двух детей под усиленной охраной – совсем другое. И куда их деть? Город кишел вражескими солдатами. Дозор Тора разрушен. Я одна, а врагов сотни. И была вероятность, что дети даже не пойдут со мной. Вспомнила последние слова Ганнера и Праи. А если семья настроила Лидию и Нэша против меня? Много говорило, что я потерплю неудачу, а это было слишком рискованно. Если бы передать сообщение королеве...

Но биржа тоже захвачена. *Торговцы.* Я могу передать сообщение через них. Но когда? Я под усиленной охраной, а торговцы, возможно, поддерживают короля, и потом, если мое предательство раскроется...

Он ничего не нарушил. Это его право.

Я почувствовала панику, как в тот день, когда плюнула в лицо королеве: бесполезная, потерянная, птица с опипанными крыльями. Мир, в котором умела ориентироваться, исчез. Мне придется следовать правилам, установленным Бэнксом. Это мой единственный шанс.

Как бы меня ни мучили паника и вопросы, временами казалось, что только они спасают меня от другого безумия. *Джейс*. Его больше нет. Сокрушительная мысль неожиданно обрушивалась на меня и лишала рассудка. Только планирование того, как спасти Нэша и Лидию, позволяло мне справиться с безумием.

На третий день в мою комнату громко постучали и объявили, что король требует моего присутствия. Меня наконец вызвали. Один стражник сказал, что именно я должна надеть. Мои мысли мчались вскачь, пока Черный Зуб и Сломанный Нос вели меня в другое крыло гостиницы.

– Сюда, – сказал Сломанный Нос, останавливаясь у открытой двери и подталкивая меня внутрь.

В покоях короля было оживленно, словно шли последние приготовления. Вокруг Монтегю вились нервные слуги, поправляя его перевязь, зашнуровывая сапоги, застегивая нагрудники, готовя оружие. Казалось, он упивался вниманием, и я догадалась, что все это для него в новинку. Но в происходящем явно читалась спешка: королю требовалось скорее подготовиться к новой роли.

Он повернул голову, когда я вошла в комнату. Махнул мне рукой и отдал приказ слугам «подготовить» меня. На моем поясе оказались длинный меч и кинжал. Никто не переживал, что я воспользуюсь ими. Я знала, что произойдет, если сделаю малейшее агрессивное движение. Оружие бесполезно для меня. Однако заметила, что лезвия были затуплены.

Значительно. Теперь клинки больше могли послужить для выбивания пыли из ковров, чем для нанесения ударов. Но когда они оказались в ножнах, то создавали впечатление силы.

– Почему вы так смотрите? – спросил король, хотя это было очевидно. На него надели все военные регалии. Черный кожаный колет поблескивал на плече. – Не надо так удивляться. Естественно, я солдат. Уже много лет меня обучает Бэнкс, и не будет преувеличением сказать, что он лучший фехтовальщик на континенте. – Фермер обучается у фехтовальщика? Много лет?

Король сделал паузу, чтобы посмотреть на себя в зеркало, одернул тунику и поправил перевязь на груди.

– И думаю, справедливо заметить, что ученик превзошел учителя. – Он повернулся, чтобы торжествующе посмотреть на меня. – Я – лидер и защитник своего королевства. И мне нужно выразить это в своем одеянии, чтобы внушить доверие.

Он действительно смотрелся впечатляюще. Несомненно, Синове – и, возможно, любая девушка в Хеллсмаусе – упала бы в обморок от его преображения. Его темные волосы были подстрижены и расчесаны, одна прядь падала на лоб, будто он недавно махал мечом. Щеки румянились после бритья, а кожаный нагрудник подчеркивал широкие плечи. Каждая деталь выражала силу и лидерство, говоря, что это король, который способен вести за собой.

Я ничего не ответила, и он задумался, отмахиваясь от слуги. Монтегю шагнул ближе ко мне.

– Я не чудовище, каким вы меня считаете. Я справедливый правитель и должен слушать своих советников. За это им и платят.

– Использовать детей в качестве заложников – это мерзко. Ваши советники – отвратительные люди. И если вы их слушаете, значит, вы такой же, как они.

– Стороннему наблюдателю легко рассуждать. Возвышенные слова и обвинения даются просто, когда не видишь, как умирают люди, верно? Вы не управляете королевством, где царят смута и бесчинствуют мародеры, где трудные решения должен принимать каждый, и я принял одно. Иногда приходится идти на жертвы ради общего блага.

Я не смогла удержаться и закатила глаза.

– Неужели это очередной ценный совет, который ваши дорогие советники дали вам?

Его темные ресницы затрепетали, а глаза загорелись яростью.

– Прошу прощения, – сказала я. – А удар по вашему нежному эго тоже считается проступком? Будут ли дети страдать из-за этого?

Он подошел ближе, его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего, грудь тяжело вздымалась.

– Райбарт охотился на горожан, грабил и жег город, пока Белленджеры и их прихвостни занимались вымогатель-

ством, требуя больше денег за защиту. Вот факты! А я – король Эйсландии. – Он понизил голос, чтобы его слышала только я. – *Ты будешь оказывать мне уважение*, – прошипел он сквозь стиснутые зубы. – *Тебе понятно?*

Он уже забыл свою прошлую роль. Человек, который несколько дней назад вежливо пододвинул мне стул, теперь пылал от ярости. Он принял образ могущественного монарха.

– Да, ваше величество, – осторожно ответила я. В этот момент, глядя в его темные глаза, боялась, что могу сильнее задеть его самолюбие. Я хорошо разбиралась в людях и знала, как далеко можно зайти, но король казался мне собранием разных людей, и я не понимала ни одного из них.

Он отвернулся, взял со стола бумагу и протянул мне.

– Вот, Бэнкс подготовил речь. Именно ее ты будешь произносить перед городом. Читай слово в слово. Идем, пока не прозвенел колокол.

Слуги снова засуетились, внося последние изменения. Молодая женщина беспокойно смахивала воображаемую пыль с униформы. Я не была уверена, боится она короля или очарована, но, когда тот отвернулся, она быстро распушила пальцами волосы и разгладила лиф, и я получила ответ на свой вопрос.

Когда Монтегю остался доволен своим внешним видом, то отогнал ее и остальных слуг и стал изучать меня – начиная с меча, висевшего у меня на боку, заканчивая длинной

шерстяной курткой, в которую меня одели. Он осматривал меня медленно и пристально. Наконец кивнул, выражая удовлетворение.

— Да, ты выглядишь так, будто только что прибыла, может, немного исхудала за время путешествия. После будет праздник, сможешь наесться. Поверь, все к лучшему. Пойдем, поделимся новостями.

Он натянул мне на голову капюшон и взял за руку, твердо, но мягко ведя к двери, играя роль короля-солдата, который сопровождает уважаемого посланника иностранного монарха, чтобы поделиться важной новостью о казни *патри*. Начиналась новая эра.

Его свита собралась в большом фойе гостиницы. Возле двери меня подтолкнули, чтобы я пошла с Бэнксом и двумя солдатами, оставив короля позади. Солдаты заполнили пространство между нами, но я мельком увидела Лидию и Нэша, которых подвели к Монтегю. Нэш радостно бросился к нему в объятия. Король поднял его, держа одной рукой, а другой взял Лидию за руку. Улыбка Лидии была более сдержанной, но она все же улыбалась, и я ощутила укол жгучей ревности. Девочка должна была улыбаться Джейсу. Олиз стояла в стороне. Она тоже улыбнулась королю и шепотом перекинулась с ним парой слов, избегая моего испепеляющего взгляда, хотя я знала, что она его чувствовала.

Бэнкс приказал свите двигаться вперед, и мы вышли через парадную дверь гостиницы «Белленджер». Я смотрела

на Бэнкса, пока мы шли, — многие годы он был наставником короля? Чему еще он учил его, кроме фехтования? Но в основном задавалась вопросом, кто же на самом деле главный — король или Бэнкс?

Я думала, что знаю, что увижу: горожан, растерянных из-за резкой смены власти. Недоумевающих, где их *патри*. Ожидающих, что что-то произойдет. Что угодно.

Хотя все уже произошло.

Но первое, что увидела, — это следы разрушений. Останки здания, в котором когда-то располагались паб и квартиры. Куски бревен торчали из обломков, как сломанные кости. Чуть дальше в восьмифутовом разломе исчезла половина мощеной улицы. Извозчики маневрировали, делая вид, что ничего не произошло.

Но разрушений было не так уж много. Когда подняла голову, то заметила солдат, расположившихся наверху. Они, как хищные птицы, засели на смотровых площадках и на крышах, их темные плащи развевались на ветру. Сколько наемников король привел? Где взял деньги? Его власть поразила меня.

Солдаты рядом со мной носили обычное оружие — мечи, алебарды и тому подобное, но те, кто находился на крышах или смотровых площадках, были вооружены иначе. На их плечах висело блестящее металлическое оружие, длиной около четырех футов. Никогда раньше не видела ничего подобного, но не сомневалась, что это те самые пусковые уста-

новки, которые описал мне Джейс. Со своих точек обзора солдаты видели все – и были недосыгаемы для любого, кто попытался бы завладеть их грозным оружием. Они защищали не город. Райбарт и его люди были мертвы или скрывались. Город был захвачен, и солдаты здесь, чтобы подавить любое сопротивление.

Ощущалось мрачное настроение. Небо было по-зимнему серым. Иней покрывал окна и булыжники. Даже люди казались серыми, они кутались в плащи от холода, их лица скрывали шарфы, капюшоны и шляпы. Несколько голов повернулись, когда проходила мимо. Я почувствовала любопытные взгляды, пытающиеся разглядеть мое лицо под капюшоном.

Раздался звон колокола. Последний удар. От этого звука у меня заболели зубы. Люди бросили свои дела и направились к площади. По приказу короля? Или желая узнать новости? Надеясь на что-то? Но надежду я не могла им дать.

Я свернула за угол и замерла, увидев храм – еще одну зияющую дыру в городском пейзаже. Только колокольня и алтарь стояли на месте, остальное превратилось в обломки. Разбитые статуи святых смотрели в небо. У меня перехватило дыхание, я с трудом верила в увиденное. Раньше это был центр площади, мраморные стены храма отбрасывали неземное сияние. Теперь он выглядел как вход в ад. Джейс рассказал, на что способна пусковая установка, но это сделала не она. Разве что Бофорт соврал относительно того, на что оружие способно. Он никогда не был честен.

– Храм был гнездом лоялистов. Его пришлось уничтожить, – объяснил Бэнкс. – Он будет восстановлен, когда последние из них уйдут.

Я была поглощена разглядыванием храма и не заметила, что находится надо мной – только когда Бэнкс взглянул вверх, я проследила за его взглядом и ойкнула. Он схватил меня за руку.

– Спокойно, – прошептал он. – Помни, за тобой наблюдают, а ты – посланец, несущий весть о справедливости. – Он понизил голос. – Самое главное, не забывай, кто идет позади тебя. Сделай глубокий вдох и поднимись по лестнице с гордо поднятой головой. Играй свою роль достойно.

У меня сжался желудок, когда поднялась по ступенькам, оказавшись на возвышении, откуда открывался вид на площадь. Я с удивлением обнаружила, что Гарвин стоит здесь. Его взгляд обегал улицы и горожан.

– Ты работаешь на них?

Он кивнул, приветствуя меня.

– Ничего личного. Теперь кто-то другой оплачивает мой труд.

– И это все? Плата? – Он пожал плечами.

– Это бизнес.

– Полагаю, стоило ожидать подобного от того, кто продает голодных тигров мясникам.

Он усмехнулся.

– Значит, ты узнала меня после стольких лет. – Он кивнул,

словно довольный, что его не забыли.

– Я назвала твое имя королеве. Она жалеет, что я не при-
тащила тебя обратно. Что-то насчет попытки перерезать ей
горло?

Он покачал головой.

– Это тоже всего лишь бизнес. Наемная работа. Она при-
няла случившееся слишком близко к сердцу.

Он повернулся к улицам, продолжая разглядывать их. Ко-
го-то искал? Белленджеров, которые однажды наняли его?
Мне пришлось побороть желание перекинуть его через пе-
рила.

Бэнкс подтолкнул меня вперед, и когда обернулась, то об-
наружила, что на меня смотрят глаза по крайней мере дю-
жины тел, которые свисали с высоких ветвей тембрисов. С
трудом сдерживая желчь, поднимающуюся к горлу, попыта-
лась выпрямиться. Ближайшее ко мне тело было серым, лицо
покрывал иней, с подбородка свисали маленькие сосульки.
Я не узнала его и попыталась отвести взгляд, но не успела.
У меня во рту появился неприятный солоноватый привкус.
Недалеко от меня висело тело, которое я узнала. Дрейк. *Один
из стражей Джейса. Конечно, он был лоялистом. Это его
работа – быть преданным!*

Я осмотрела другие лица, боясь узнать кого-то еще, но
еще больше боялась не смотреть. Я узнала еще одного чело-
века. Портнику, которая снимала с меня мерки. Ее глаза бы-
ли открыты. Я сжала кулаки.

– Она прятала агитаторов, – пояснил Бэнкс, будто это его оправдывало. – Мы даем каждому гражданину шанс сотрудничать и поступать правильно. Она предпочла отказаться, что сделало ее сообщницей Белленджеров и опасной для других граждан. Мы хотим восстановить порядок и сделать так, чтобы все снова чувствовали себя в безопасности.

Я повернулась и посмотрела на него. Снова этот голос, *знакомый*. Каждое слово заставляло волоски на моей шее подниматься. Я знала его, но не узнавала. Он продолжал, оправдываясь. Его речь почти слово в слово повторяла речь короля, будто по дереву проводили шилом, углубляя борозду, пока она не стала истиной их собственного изготовления. *«Мы обеспечиваем безопасность города».*

Неужели они думали, что если повторять достаточно часто, это станет правдой? Что можно меня обмануть? Что это смоем кровь с их рук?

– Нельзя так защищать город, – сказала я. – Вы всего лишь оппортунисты, пришедшие захватить чужое богатство.

Он отмахнулся от моего обвинения.

– Давай поторопимся, ладно? Холодно и уже поздно. Люди хотят домой. Не будем заставлять добрых граждан ждать.

Король поднялся по ступеням платформы с Нэшем на руках и Лидией, идущей рядом. Дети, казалось, даже не замечали висящих тел, или, может, оцепенели от страха. Какие ужасы они уже пережили? Они не смотрели в мою сторону, будто им приказали, или, возможно, перед захватом города

им рассказали, кто забрал Джейса. Может, они не смотрели на меня, потому что не могли вынести моего вида.

Все трое перешли на противоположный конец площадки, и король усадил Нэша перед собой, положив одну руку на плечо Лидии. Он обратился к толпе, сообщив, что прибыл лучший солдат королевы Венды с новостями, которые помогут им двигаться вперед. С новостями, которые закроют дверь в трудные времена, через которые им пришлось пройти. Но их ждут светлые дни. Его голос был уверенным и многообещающим, выражение лица – искренним, между бровями залегла небольшая складка. Движением руки он пригласил меня выйти вперед.

Бэнкс уточнил, что мне следует выйти на площадку, где граждане смогут лучше меня рассмотреть. Деревянные доски скрипели под моими ногами. Когда добралась до центра, повернулась и откинула капюшон, чтобы меня видели. По толпе пронесся негромкий ропот. *Тот солдат. Тот, кто забрал патри.* Может, в последний раз они видели меня, когда я жонглировала апельсинами возле лавки или целовала *патри* перед аптекой. А может, они видели, как я дралась с ним на бирже. Я была загадкой для них.

Ветер трепал мои волосы, а от дыхания поднимались облачка пара. Город передо мной был не тем, что несколько месяцев назад, когда его заполняли краски, шум, свет и тепло. Теперь он представлял собой унылое море шерстяных плащей. Шарфы закрывали носы и рты людей, и только шел-

ки глаз смотрели на меня. Горожане прятались от суровой погоды или хотели скрыть свою личность? Мне было интересно, сколько лоялистов среди них, тех, кто все еще ожидал возвращения *патри*. Я видела, как опускаются их плечи, как мрачнеют осунувшиеся лица. Бумага, которую дал мне король, дрожала в руках. Как смогу это сделать? Солгать о Джейсе? Перед Лидией и Нэшем?

Я бросила на короля последний умоляющий взгляд. *Не поступай так с ними*. Его голова слегка наклонилась, он был неумолим. Он положил руку на плечо Нэша, притягивая его ближе. Жест, чтобы успокоить мальчика, или предупреждение для меня?

Я оглянулась на толпу. Я прочту эти слова.

– Граждане Хеллсмауса, я сообщаю вам новости о Джейсе Белленджере. – Слова зависали в воздухе, нереальные, лживые, невозможные, и все же их произносила я. *Джейс, ты мне нужен*. Этого не могло быть, но это происходило. – Бывший *патри* вашего города не вернется, – продолжила я. – Он был арестован и передан королеве Венды и трибуналу, чтобы его судили за преступления против Союза Королевств. Суд признал его виновным и приговорил к смертной казни через повешение. Я была свидетелем его признания, его молитв к богам о прощении за его преступления и его последующей казни. Джейс Белленджер мертв.

Низкий, приглушенный стон прокатился по толпе, а затем раздался крик, и кто-то упал на колени. Солдаты на лестни-

цах и крышах подняли оружие, приготовились. Солдаты рядом с нами придвинулись ближе.

Бэнкс попросил меня продолжать.

Я заговорила громче, стараясь перекрыть ропот.

– Законный и истинный правитель Хеллсмауса, король Монтегю, восстанавливает порядок и работает над тем, чтобы сделать город еще более великим, чем он когда-либо был. Союз и я призываем вас помочь ему обеспечить безопасность вашего города, выдавая предателей. Как вы знаете, невинные не страдают при его правлении.

Я сделала паузу и посмотрела на Нэша и Лидию и вооруженных стражников, стоящих рядом с ними. Король кивнул, чтобы я продолжила.

– Только виновные, которые подвергли всех вас риску, понесут наказание, – сказала я. – Если вы знаете о других скрывающихся Белленджерах или сочувствующих им, вы должны выдать их или рискуете сами быть обвиненными в преступлениях против королевств. Настало время Хеллсмаусу двигаться вперед и принять новое многообещающее будущее.

Наступило затишье, над площадью воцарилась тишина, а затем раздался крик:

– *Убийца!*

Почти одновременно с этим что-то ударило в меня, и голова взорвалась болью. Я повалилась назад, зацепившись за перила. На доски упал камень.

Раздались новые крики, а затем наступила гулкая тишина,

когда толпа сместилась, поглотив того, кто кричал. Солдаты двинулись туда, пытаясь найти преступников, но те потерялись в сером море.

Я подтянулась и пощупала голову, а когда отвела руку, то на пальцах увидела кровь. Я оглянулась на Лидию и Нэша. Их лица оставались безучастными. Их эмоции были спрятаны глубоко под прочной броней, которую они никогда раньше не носили. Король поднял Нэша и притянул Лидию к себе, сказав, что пора идти. Нэш положил голову на плечо короля, но его взгляд был обращен ко мне. Жестокий голод, который блестел в его глазах, прорезал дыру в моем теле. Была ли это жажда мести? Огонь во взгляде делал Нэша похожим на Джейса. Я смотрела, как все спускаются по лестнице. Лидия не смотрела в мою сторону, но я знала, что она ничего не упустила. Она слышала, что я сказала о ее брате.

Бэнкс протянул мне платок.

– Молодец. Хочешь верь, хочешь нет, но все прошло на удивление хорошо. В конце концов, для тебя может найтись место в этом королевском доме. *Патри* и его семейка, нарушающая закон, скоро будут забыты.

Я смотрела на Бэнкса, прижимая ткань к виску, и представляла, как убью его. Существовали медленные способы. Эбен описывал их нам темными ночами у костра. Способы, которые рахтаны больше не имели права использовать. Способы, которым Эбен научился у Комизара и которые действовали гораздо медленнее, чем вилка. Способы, о которых

раньше и не думала, считая их слишком жестокими. Но теперь они не казались такими.

Я смотрю на наши копыя. Мы разобрали каркасы кроватей и заточили дерево.

Сегодня я бросил одно за ворота в кричащего падальщика. Я чувствовал себя сильным и могущественным. Я не попал, он подхватил его и убежал. Теперь у него есть копые, чтобы использовать против меня. Думаю, его прицел лучше моего.

– Грейсон, 15 лет

Глава семнадцатая

Джейс

Я сидел на краю соломенного тюфяка, готовый впервые встать. Это было настоящее испытание.

– Не вееди себя как ребенок, – отругал меня Керри. – Хватит гримасничать. Ты хочешь встать и пописать самостоятельно или нет?

Я постарался не гримасничать.

– Так лучше?

Он фыркнул. Керри стал моей нянькой, сидел со мной, мыл меня, кормил и постоянно ворчал. Он не проявлял ко мне милосердия. Иногда я думал, не мстит ли он за те ямы для столбов, которые я заставлял его копать. Четыре дня назад он начал давать мне вес, чтобы я поднимал его и восстанавливал силы. Мешки с картошкой, которые он мне передал, весили не больше пяти фунтов каждый, но от напряжения, когда я их поднимал, у меня жгло бедро, куда попала одна из стрел. Мои руки тряслись.

– *Ты становишься дряблым*, – укорил мальчик, сжимая мое плечо. Если бы Каемус оказался рядом, он бы ответил:

– *Оставь его в покое. Он прекрасно справляется*, – он был гораздо отзывчивей, чем этот маленький надзиратель. Но я был разочарован своим прогрессом и даже ценил свое-

го неумолимого наставника. Мне нужно выбраться отсюда и найти Кази. Если они держали ее...

Не мог позволить себе думать об этом слишком долго, но никаких известий о ней не приходило. Каемус наконец рискнул и пошел в город – может, только для того чтобы я не пополз туда сам. Из-за солдат на каждом углу ему пришлось натянуть капюшон, держать голову опущенной, а говорить совсем немного. О Кази не было ни слуху, ни духу. И о моей семье. Я спросил Каемуса, что он видел, и он сказал, что ничего, кроме мрачных лиц солдат, а что касается новостей, то все молчали и боялись говорить. В городе стало необычно тихо. Он не рискнул расспрашивать, опасаясь привлечь внимание, но подслушал, как один лавочник ворчал, что Пакстон и Трюко теперь заправляют на бирже.

В меня словно попала еще одна стрела. Но мне не стоило удивляться. Мы знали, что кто-то бросает нам вызов, и я всегда подозревал, что за пожарами и набегам стоит одна из лиг. Но теперь это факт. Никогда всерьез не думал, что они смогут провернуть что-то подобное, и даже не предполагал, что попытаются. Да, они не любили нас. Мы их тоже. Хотя мы все зарабатывали деньги и наладили подходящую, хотя и не без проблем, рутину в наших отношениях, пока они не начали работать с Бофортом. Белленджеры сами профинансировали этот захват. Зейн, видимо, был их посредником. Как долго они это планировали? Я бы убил и Пакстона, и Трюко, если бы они навредили Кази. Сделал бы их смерть

мучительной. Мне не нужно мощное оружие, чтобы...

Я вспомнил слова Каемуса. Он говорил, что один выстрел разрушил неф храма. Каемус ошибался? *Один* выстрел? Пусковая установка, которую я испытывал, была мощной. Она могла убить человека с двухсот ярдов, возможно, трех человек, если они стоят близко друг к другу, но один выстрел не мог разрушить храм. Я вспомнил руины в Долине Стражей и хвастовство Бофорта о власти над королевствами. Был ли Хеллсмаус отправной точкой его кампании?

В историях Белленджеров описывалось, что город был построен на обломках. Века работы превратили руины в то чудо, которым город стал сегодня, но теперь кто-то вроде Бофорта и его приспешников мог захватить город и снова обратить его в развалины? И была целая армия, чтобы осуществить его планы. Но чего-то я все еще не понимал.

– Готов? – спросил Керри, протягивая костыль, который он сделал для меня. Мне потребовалось больше недели, чтобы снова сидеть. На мне не было рубашки, половину верхней части тела закрывали бинты.

Пакстон и его команда твердо решили убить меня.

– Задержи дыхание, и я помогу тебе встать на ноги. – Я использовал костыль как рычаг, а Керри засунул руку под повязку и потянул. Давление было таким, словно бык сидел у меня на груди. Я стиснул зубы.

– Керри! Что ты делаешь? – крикнула Юрга. Она застыла на полпути на лестнице, ведущей в подвал. Мы оба влипли.

– Рано или поздно он должен встать.

– Он прав, – сказал я, защищая мальчика. – Мне нужно восстановить силы. – Слова хлынули из меня, отчаянные слова, о которых даже не подозревал. – Кази одна, возможно, ранена, они насильно ее удерживают, моя семья в изгнании, город захвачен, и когда нужен им больше всего, я здесь, беспомощный. Я должен стать сильнее, должен уйти.

Юрга слушала меня, широко раскрыв глаза. Я чувствовал себя ребенком, умоляющим о невозможном, хотя знал, что ни Юрга, ни Керри не могут мне этого дать.

Моргнул, пытаюсь прояснить зрение.

– Я должен найти ее.

Юрга уставилась на меня, ее губы скривились, словно она съела лимон, затем она долго и пристально смотрела на Керри.

– Давай, помоги мне поднять его по этим ступенькам. Немного солнца пойдет ему на пользу.

* * *

Первые несколько дней я не отходил далеко от сарая, готовый отступить назад, если получу сигнал о появлении всадников, но все было тихо. Казалось, меня перестали искать, что означало, что, вероятно, меня считали мертвым.

Не только Керри мне помогал. Другие поселенцы водили меня вокруг сарая и помогали опуститься на скамейку, когда

мне нужно было отдохнуть. Они стали отводить меня дальше от моего укрытия, чтобы показать свои дома, которые мне так и не удалось увидеть. Они обращали мое внимание на высокий фундамент или деревянные полы, которых у них никогда не было раньше, на запасы, заполняющие полки. Меня приглашали войти, кормили, привязывали кости мне к поясу, словно я стал одним из них. *Мейнте йотандэ*, говорили они. Никогда не забывай. День за днем я изучал их язык. Мне было стыдно, что когда-то протестовал против восстановления поселения, и радовался, что мы помогли им. Радовался, что исполнил свою клятву и проявил милосердие. Многого не знал тогда, но знал сейчас. Если бы не Кази...

– Еще один подход, – приказал Керри. Его глаза блестящие. Ему нравилось смотреть, как я страдаю. Но я становился сильнее. Теперь он заставлял меня поднимать ведра с водой – только наполовину полные, – но боль в животе, по крайней мере, стала терпимой, а может, просто привык к ней. Но когда буду готов уйти? Знал, что второго шанса не будет. Я должен сделать все правильно. Должен быть достаточно сильным, чтобы справиться с тем, что мне предстоит. Я превратил свое раздражение в желание работать – больше подходов, больше еды, больше ходьбы.

Когда мы заканчивали, я обычно садился на скамейку на солнце и читал Керри. Учитель, которого мы прислали, принес книги, некоторые из них с легендами о других землях, далеко от Дозора Тора. Но больше всего Керри нравились

те, в которых рассказывалось о Белленджерах и Грейсоне, который был еще ребенком, когда ему поручили защитить остальных. Глаза Керри светились восхищением и любопытством – возможно, так же, как мои, когда отец впервые рассказал мне эти истории. Я не стал ничего приукрашивать. Это и не требовалось. Правда была достаточно удивительной.

– Откуда ты знаешь все эти истории? – спросил он.

– Я записал их – каждую. Это было частью моего школьного образования. У меня дома целая библиотека с историями Белленджеров. Когда-нибудь я тебе ее покажу.

Дом. Если он все еще существовал. Если там хоть что-то сохранилось.

Кто-нибудь напишет нашу историю, Джейс?

Мы сами напишем ее. И она займет тысячу томов. У нас впереди целая жизнь.

Прошлой ночью туман в моей голове отступил еще дальше. Взгляд. Кулак, ударивший в живот Кази, и отблеск света. Что это было? Я не мог перестать беспокоиться о том, чего не видел и не знал.

– Я пойду с тобой, когда ты отправишься на ее поиски, – сказал Керри, будто знал, где блуждали мои мысли. Он решительно вздернул подбородок. Бесстрашный мальчик. Его пальцы рассеянно блуждали по покрытой шрамами руке. Я догадался, что какие бы чудовища ни ждали нас в городе, они не хуже тех, с которыми он уже сталкивался. Неудиви-

тельно, что ему нравилось слушать истории о Грейсоне. Как и первый *патри*, Керри не позволял своему юному возрасту удерживать его от того, что должно быть сделано.

– Посмотрим, – ответил я.

Моя армия состояла из двух человек, и один из них был семилетним ребенком.

Глава восемнадцатая

Кази

Много лет назад, когда украла тигра, я применила особую тактику. Мне требовалась помощь, и пришлось заручиться поддержкой очень многих. Конечно, я позаботилась, чтобы никто никогда не узнал, на что влияла его услуга. Но знала, что многие догадываются. Так возникли слухи. *«Это была Десятка. Десятка украла тигра»*, – говорил кто-то. Другие смеялись над этим предположением: *«Эта тощая девчонка поборолa тигра? Да она была бы уже у зверя в желудке. Да и зачем ей это?»* А были и те, кто предполагал, что похититель куда серьезнее: *«Говорят, в сарае найден круг дьявольской пыли. Демон съел зверя целиком»*.

Для начала пришлось задобрить тигра. Оказалось, что завоевать доверие зверя – самое простое. Уже на четвертый день он подергивал носом, когда видел, что я иду с кусочком мяса, завернутым в шарик из теста. Но дальше следовало множество шагов – повозки-ловушки, отвлекающие драки, сонные эликсиры, черная дьявольская пыль. *Я торговалась, обменивая одно на другое*, а потом кто-то решал, что ему нужна большая оплата. Иногда мне приходилось иметь дело с людьми, которых презирала. Я справлялась, помня о конечной цели, о том, ради чего все это затевалось – о зако-

ванном в цепи звере с янтарными глазами.

Я спрятала тигра прямо под носом у мясника в складском сарае за его магазином, куда он заходил только раз в неделю, чтобы наточить тесаки и ножи. Затем вернулась и выманила животное наружу посреди ночи, когда улицы опустели. Запланированный маневр отвлек внимание мясника – как и остальных людей на джехендре – не более чем на полминуты. Он отошел всего на несколько шагов от входа в лавку, но мне этого было достаточно. Над маршрутом побега я трудилась больше всего времени, отыскивая самые темные, безлюдные улицы, места, где можно спрятаться, если понадобится. Наконец, ходила по выбранному пути семь ночей подряд, чтобы убедиться, что он не таит в себе сюрпризов, ничего такого, что могло бы испугать тигра и заставить его зарычать.

Теперь мой взгляд скользил по улицам, деревьям, теням, но с каждым шагом чувствовала, как настроение ухудшается. Сколько взяток и помощников мне бы потребовалось, чтобы ускользнуть от солдат, стоящих на каждом углу, на каждой крыше. Не говоря уже, что мне нечего предложить и, что самое главное, некому. Кроме, пожалуй, человека, который тайно передал мне лекарство, но даже он боялся раскрыть себя.

Как только мы вернулись в гостиницу, мне обработали рану, а затем проводили в столовую на «праздничный» обед, который обещал король. Очевидно, он согласился с Бэнксом, что церемония прошла удачно. Я догадывалась, что ка-

мень, брошенный мне в голову, не учитывался, как и звенящая боль у меня в ушах, но, возможно, обращения к толпе уже вызывали ответный шквал камней. По сравнению с этим моя травма была пустяковой – или, возможно, весь смысл состоял в том, чтобы переключить гнев горожан на кого-то другого – на меня. В таком случае, полагаю, день прошел с большим успехом. Слово *«убийца»* все еще разъедало меня изнутри, а ложь, которую сказала о Джейсе, оставила привкус во рту, но у меня не оставалось выбора. Я бы сделала это снова, и, несомненно, Бэнкс планировал другие подобные обращения, пока не будет подавлено последнее сопротивление.

Гости положительно отзывались о сегодняшнем дне. Очевидно, никто из них не считал, что трупы, висящие на деревьях посреди городской площади, – это повод для беспокойства. Я не узнала никого из присутствующих на этом милом ужине, и мне стало интересно, прибыли ли они из Парсуса – верные последователи короля, – или это жители Хеллсмауса, которые так же легко, как Гарвин, переметнулись на вражескую сторону.

Все сидящие за длинным столом восхищались королем и Бэнксом, считая их настоящими спасителями. Четыре женщины были элегантно одеты, будто для грандиозного праздника, их лица покрывал толстый слой пудры, а шеи украшали сверкающие драгоценности. Комната могла стать раем для воров – если бы не правила, которым нужно подчинять-

ся.

Каждый гость смеялся, улыбался и ловил каждое слово, которое вылетало из уст Монтегю. В середине ужина одна из женщин, которая слишком много выпила, протанцевала вокруг стола и удобно устроилась у короля на коленях. Ее собранные волосы рассыпались, и она защебетала. *Ваше величество то, ваше величество се*, за этим последовали притворные извинения и длинный поцелуй в губы. Король впитывал его, как сухая губка, его губы прильнули к ее губам на добрых полминуты, его руки блуждали по ее бедрам, пока Бэнкс наконец не прочистил горло, напомнив, что мы все здесь и смотрим.

Во время ужина Монтегю много раз смотрел на меня, но я не знала точно почему. Чтобы я присоединилась к похвалам? Я размышляла, стоит ли это сделать. В какой-то момент поняла, что должна завоевать его доверие. Притвориться, будто меня покорили и я готова занять место в этом новом королевстве, как выразился Бэнкс. Притвориться, что одна из поклонниц короля. Я знала, как это сделать. Такова была моя работа. Даже осторожные люди восприимчивы к лести – потому что, в конце концов, они ее заслуживали. Главное – заставить их поверить. Но нужно правильно выбрать время. Это деликатное дело, и его нужно выполнить осторожно, словно проводя острым ножом под тонкой кожей рыбы, чтобы отделить ее от плоти. А я сейчас не чувствовала себя ни деликатной, ни осмотрительной. Вместо этого пред-

ставляла собой жалкое нагромождение сомнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.